

БИБЛИОТЕКА ПОСТА

СЯТ-НОВА

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

основана

М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ленинград

1 9 6 1

САЯТ-НОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Сурена Гайсарьяна*

тттттт

с о в е т с к и й
п и с а т е л ь

Саят-Нова — выдающийся армянский лирик XVIII века, писавший свои стихи на трех языках — армянском, грузинском и азербайджанском. Многие его песни стали народными и пользуются большой популярностью далеко за пределами Закавказья.

В. Я. Брюсов, переводивший стихи Саят-Новы на русский язык, писал, что он «один из тех первоклассных поэтов, которые силой своего гения уже перестают быть достоянием отдельного народа, но становятся любимцами всего человечества».

САЯТ-НОВА

Что мне помнить о минувшем!
Новых берегов ищу.

Саят-Нова

I

Саят-Нова — крупнейший армянский поэт XVIII столетия. Его своеобразное, полное красок и звуков сладких творчество представляет одну из интереснейших страниц в истории лирической поэзии. Профессиональное искусство ашугов — странствующих народных певцов-исполнителей — он довел до виртуозности, освободив от налета ремесленничества, которым оно нередко страдало, и поднял на высоту истинной поэзии. Он — ашуг и поэт одновременно, с ясным сознанием своего призвания как «вдохновенного соловья» — «народного слуги».

Радостным ощущением бытия и вместе с тем глубокой горечью отмечена поэзия Саят-Новы. В ней отразилась горемычная доля полукрепостного, бесправного человека, наделенного, однако, тонкой душой, глубоким чувством красоты. В его стихах слышны отголоски трагической участи родной Армении, утратившей в кровавых столкновениях с крупными восточными деспотиями

политическую независимость, по свету растерявшей своих детей. Как ни нежны, как ни задушевные звуки кяманчи великого ашуга, нельзя не уловить в них черт тяжелого его времени.

В творчестве Саят-Новы мы видим итог достижений средневековой армянской лирики и дальнейшее ее углубление. Поэзия чувства наполняется реальным, конкретным содержанием. Голос автора не скован, он уверенно выражает свои непосредственные ощущения, думы, настроения, и стихи его подкупают искренней интонацией, естественностью внутреннего жеста, мелодической силой. И по содержанию, и по форме своих стихов Саят-Нова — предтеча, возвестивший рождение новой армянской литературы. Он писал и пел свои песни не на устоявшемся книжном языке — грабаре, литературно очень развитом и богатом, но являвшемся в то время по преимуществу достоянием духовенства и аристократии, а на одном из многочисленных наречий — на разговорном языке тбилисских армян.

Двигателями старой армянской культуры и литературы были издавна два начала. Эти поллярные силы в их историческом преломлении образно и очень точно воссоздал Аветик Исаакян в стихотворении, посвященном тысячелетию эпоса «Давид Сасунский»:

В уединенье темных келий, в глухих стенах
Историки, от скорби горбясь, перед лампадою
монастырей
своей

Без сна, ночами, запивая заплесневелый хлеб
водой,
Записывали ход событий на свиток желтый
и сухой:
Нашествие орды кровавой, несчастья гибельной
войны,
Врагов жестокою расправу, крушение родной
страны,
Оплакивали Айастана жестокосердную судьбу
И уповали неустанно, что бог услышит их
мольбу.

А в сельских хижинах убогих, у очага, перед
огнем,
Гусаны наши пели песни и запидали их вином.
И в песнях славили победы и пели гимн
богатырям,
Врагам предсказывая беды, и поражение, и срам.
Прошли века, в борьбе кровавой обрел
бессмертие народ.
Гусаны завещали славу передавать из рода в род,
Они для счастья нашей жизни сумели вольный
дух сберечь
И наготове за отчизну держали молниеносный
меч.

(Перевод М. Зенкевича)

Произведения, создаваемые историками-летописцами и гусанами — народными сказителями, были различны не только по содержанию, но часто и по самому своему звучанию — языку. Если первые большей частью пользовались язы-

ком книжным, вторые рассказывали свои легенды и притчи на простом, понятном слушателям наречии. Так же поступали и народные певцы — ашуги.

Подлинным создателем нового армянского литературного языка и новой литературы суждено было позднее стать Хачатуру Абовяну (1805—1848), писавшему на араратском наречии. Тем не менее по значительности и самобытности творчества, новизне своего слова в поэзии Саят-Нова по праву может быть назван одним из зачинателей новой армянской литературы. На рубеже двух эпох — отживающей феодальной и нарождающейся буржуазной — выситя фигура замечательного ашуга — гуманиста и демократа.

Знаменательно и то, что Саят-Нова написал много песен также на азербайджанском и грузинском языках, которыми он свободно владел. Эстетический вес этих песен одинаково высок. Разноязыкое его творчество — живое олицетворение дружбы между братскими народами Закавказья в мрачные времена феодального угнетения и бесправия человека.

Песни Саят-Новы, исполненные глубоких чувств, большой человечности, печали и тоски по возлюбленной, долгие десятилетия изустно бытовали в народе, прежде чем были напечатаны. Они живы и сегодня. Их поют не только в Армении, Азербайджане и Грузии, но и во многих других уголках земного шара, где живут армяне.

Неровное, отмеченное противоречиями творчество Саят-Новы не всегда получало верное научное освещение. И здесь сказались вульгарно-социологические схемы. В начале тридцатых годов в армянской печати, например, писали, что поэт «самым добросовестным образом выполнял социальный заказ феодалов». Дурным антиисторизмом веет и от другого утверждения: «Как гражданин он себя вовсе не проявил», словно жил «вне времени и пространства». Ни либеральное литературоведение, которое стремилось представить Саят-Нову беззаботным соловьем, самозабвенным певцом любви, ни вульгаризаторы, которые школярски судили и осуждали великого ашуга: «Поэтом был, конечно, ты, а вот гражданином вряд ли», — ни те, ни другие не стояли в своих оценках и выводах на реальной исторической основе.

Уже сама необычная биография поэта опровергает эти домыслы. Она представляет большой общественный интерес, очень поучительна. Безрадостное время феодального рабства отзывалось горечью для народа. Жестокими страданиями отмечен путь выходцев из народных низов, сколь бы крупными талантами они ни обладали.

Жизнь гнала Саят-Нову из страны в страну, бросала в разные углы — от восточного базара до дворца грузинского царя. Суровые обстоятельства заставили его в расцвете творческих сил изменить своему призванию, отказаться от радости и веселья, от щемящих душу звуков

саза — навсегда оставить все, что было дорого и мило ему, и надеть ненавистную черную рясу священника. В трагическом свете предстает и последний час поэта.

2

Чем больше знакомишься с жизнью и творчеством Саят-Новы, тем больше сожалеешь, что так мало сберегло время драгоценных сведений о нем. Поминутно возникают вопросы, на которые получить ответ, увы, невозможно. Даже нельзя сказать более или менее достоверно, какая именно часть созданных поэтом стихотворений дошла до нас, когда началась и когда прекратилась его творческая деятельность. Многие обстоятельства жизни поэта не выяснены. Неизвестно, где кончаются действительные факты и начинаются навеянные временем легенды.

Однако, быть может, в некотором смысле Саят-Нове больше повезло, чем многим другим собратьям его по профессии. В те времена ашуги часто и грамотой не владели, крайне редко записывали свои песни, много было среди них слепых от рождения людей. Но и записанное могло сохраниться, уцелеть и дойти до потомства случайно. Исследователь творчества армянских ашугов Геворк Ахвердян с горечью рассказывает о том, как нередко уничтожались заветные даватары (рукописные тетради) ашугов после их смерти в их же семьях. Странствующие певцы не пользовались хорошей славой у своих родных,

их жизнь проходила на улице, среди людей, на сборищах и торжествах. Родным профессия ашуга не представлялась сколько-нибудь достойной и обеспеченной. И часто жена ашуга швыряла в огонь тетрадь с его песнями, чтобы она не попала детям на глаза, не возбудила в них желания следовать по пути отца.

Какое счастье, что сохранилась тетрадь Саят-Новы с записью армянских и азербайджанских песен, что сохранился также список, сделанный рукой его младшего сына Огана, с грузинскими и другими песнями. В 1852 году литературовед Геворк Ахвердян впервые издал в Москве песни Саят-Новы на армянском языке, снабдив их ценным предисловием и комментариями. Открытие автографов поэта и их первая публикация явились подлинным праздником армянской литературы. Это было вторым рождением Саят-Новы, его официальным вступлением в большую литературу.

Саят-Нова — ашугское прозвище, псевдоним Арутюна Саядяна. Сам поэт, согласно произношению тбилисских армян, писал свое имя: Арутин. Много предлагалось догадок — почему ашуг избрал себе такой псевдоним и что означает «Саят-Нова». Одни объясняли значение этих слов как «Царь песнопений», «Владыка музыки», другие — как «Новый учитель», третьи — как «Влюбленный в песнь и музыку». Однако вряд ли мог ашуг с начала своей деятельности избрать себе имя, содержащее столь высокую и лестную оценку ее. По-видимому, все эти толкования воз-

никли позже, явились отголоском славы поэта, его широкого признания. Мне представляется наиболее верным простое объяснение: приставка «Нова» (тюркского происхождения) была принята в ашугской среде и соответствовала приставке «внук», «Саят-Нова» означало «Саяда-внук», иначе говоря, «Саядян». Это тем более правдоподобно, что в одной из приписок поэта к своим стихам прямо значится: «Арутин Саят-Нова».

Многое о жизни поэта мы узнаем из его же стихов или авторских приписок к ним в рукописной тетради. Правда, при этом читателя нередко подстерегает опасность прямолинейного истолкования образов, суженного их понимания, однако это, пожалуй, наиболее надежный источник из всех, которыми мы располагаем.

Отец поэта, Карапет Саядян, выходец из Алеппо, торгового города на севере Сирии, может быть, разорившийся в странствиях купец или ремесленник, ищущий счастья, женился на молодой армянке Сарре — уроженке Тбилиси, вернее, его тогдашнего предместья, известного под названием Авлабар. Эта окраина столицы Грузии издавна была заселена армянской беднотой, ремесленным людом; ныне она представляет собой один из основных районов бурно разросшегося за два столетия города.

Существует версия, что мать поэта Сарра была крепостной одного из грузинских царевичей. Что касается отца, то к его имени добавлялась почетная приставка «махтеси», которая присваивалась лицам, совершившим паломничество в Иеру-

салим — на поклонение святым местам. Мало вероятно, чтобы такое почетное в то время звание мог носить простой крепостной человек.

Возможно, Саядяны жили некоторое время в местечке Санаин (ныне в Алавердском районе Армянской ССР), славившемся своими монастырями и учеными монахами, — здесь находится выдающийся по архитектуре монастырский ансамбль Армении X—XIII столетий. Несомненно, однако, что они обосновались в Тбилиси. И здесь у них родился сын Арутин, будущий знаменитый ашуг и поэт. Датой его рождения принято считать 1712 или 1717 год.

Среди стихов поэта, написанных на азербайджанском языке, сохранилась «автобиография» — особый вид восточного стихотворения. Здесь не без шуточной интонации автор прослеживает свою жизнь с рождения до столетнего возраста. Конечно, было бы неверно все, что здесь сообщает автор о себе, считать действительными фактами его биографии, — ведь это произведение с подчеркнуто традиционной поэтической формой. И все же оно дает некоторую канву жизни поэта.

Шустрый, любознательный мальчик до одиннадцати лет жил с обычной для своего возраста беспечностью, проводя время в играх и забавах, какие предоставляют детям бедняков закоулки предместья. В двенадцать лет он уже учится у мастера ремеслу ткача, быстро овладевает профессией, добивается успехов и признания. В пятнадцать—шестнадцать лет, приложив много усердия, овладевает грамотой — армянской и грузин-

ской. Учился ли Саят-Нова в какой-либо церковной школе или приобрел свои широкие знания самоучкой, трудно сказать определенно. Бесспорно, однако, что главной его школой была сама жизнь, общение с людьми, долгие странствия по свету, умение наблюдать и многое схватывать на ходу. Еще молодым человеком он побывал в Иране, Эфиопии, Индии. Может быть, как музыкант, он стал участником индийского похода Надир-шаха? Может быть, его гнала по свету нужда, погоня за заработком, или уже обретенная профессия бродячего певца? Неизвестно. Во всяком случае, мы читаем его прямое свидетельство:

Прозвучали мои струны и печали над Ираном.
Песни люду и владыкам я певал по разным
странам.

Саят-Нова владел многими языками — родным армянским, грузинским и азербайджанским (ставшими для него также родными), персидским, арабским. Знание языков расширяло горизонты, служило хорошим подспорьем для ашугской деятельности. Прирожденная страсть к музыке и песнопениям, как и к стихосложению, вместе с упорным трудом, неустанным учением у мастеров делают Саят-Нову уже в молодости видным ашугом. Человек с тонким слухом, обладатель прекрасного голоса, отличный исполнитель на всех восточных струнных инструментах, Саят-Нова был наделен в то же время огромным поэтическим талантом.

По-видимому, период расцвета творческих сил поэта-музыканта совпал с его жизнью в Тбилиси. Щедрое сочетание блестящих способностей обеспечило ему славу знаменитости и принесло заслуженное признание не только у городского трудового люда, склонного в часы досуга самозабвенно слушать песни и музыку, не только в среде многочисленных ремесленников и торговцев, но широко открыло перед ним двери в дома богатых купцов и знатных феодалов и даже привело поэта во дворец грузинского царя Ираклия II.

Часть сохранившихся стихотворений Саят-Новы датирована автором. Самая ранняя дата — 1742 год, самая поздняя — 1759-й. Можно полагать, что поэт писал стихи и раньше и позже этих лет — это почти несомненно, — но дошедшее до нас наследие приходится ограничивать именно этими семнадцатью годами.

В пору жизни и творчества Саят-Новы выдвигается роль Тбилиси — столицы Грузии — как хозяйственного и культурного центра всего Закавказья. Грузинскому царю Ираклию II, дальновидному государственному деятелю, удастся создать в своей стране относительную устойчивость жизни. Храбрый воин и опытный дипломат, Ираклий II умело играл на противоречиях между крупными соседями — Турцией и Персией, используя внутреннее ослабление этих государств. Обуздывая сепаратистские тенденции и своеволие грузинских феодалов, он достиг объединения Кахетии с Карталинией; Восточная

Грузия стала единым государством. Он также заключил союз с Западной Грузией, что еще больше укрепило его позиции. Много сил отдавал Ираклий заботам о родной стране, развивал хозяйство, поддерживал и поощрял торговлю и ремесла, содействовал просвещению. Тбилиси, насчитывавший 20 тысяч населения, в то время уже был многонациональным городом. Здесь жили грузины, армяне, азербайджанцы. На улицах города звучала разноязыкая речь. Именно здесь мог появиться провозвестник братской дружбы народов Закавказья Саят-Нова. Здесь под звуки саза, чонгури и кяманчи прозвучали песни знаменитого ашуга.

В целом же время Саят-Новы — во многом застойное, сумеречное время, отмеченное, однако, неясными предчувствиями и ожиданиями. В Закавказье еще прочно держался феодализм. Армения пребывала по-прежнему в безотрадном положении. Простому человеку отовсюду угрожала опасность — насилия и разбой не прекращались. Многие армянские культурные центры давно переместились за пределы родины. Брожение среди западных армян, а также героическое сопротивление, оказанное дружинами Давид-бека турецким поработителям, были лишь слабыми признаками освободительного движения. И армянам, и грузинам мир и покой мог обеспечить лишь союз с Россией, но помощь ее была еще далека.

Средневековая культура Армении, в силу исторических причин, подверглась влиянию монастырей больше, чем в Грузии, где она носила ско-

рее дворцовый характер (не случайно некоторые средневековые грузинские цари — оба Теймураза, Вахтанг, Арчил — были поэтами). В восемнадцатом столетии клерикально-феодалная культура переживала кризис. Уже в творчестве предшественника Саят-Новы — Нагаша Овнатана (1661—1722) — прозвучали мотивы, характеризующие быт и нравы армянского городского люда, торговцев, ремесленников. На смену монастырям и дворцам приходили город, городское предместье. Поэзия ашугов — это прежде всего поэзия восточных торговых городов с их разноликим населением, шумными и красочными базарами, каравансараями, майданами, облепленными лавками и кофейнями, с многочисленными ремесленными заведениями. Она — выразительница жизни, нравов, обычаев, настроений, веселья и печали мелкого городского люда, буржуазно-ремесленных слоев. Поэзия ашугов восприняла демократические традиции средневековой армянской лирики, развила их, повела дальше по новым путям. Выдающуюся новаторскую роль сыграло при этом творчество Саят-Новы.

Неверно считать Саят-Нову лишь певцом любви, не замечать широты его лирики. Почти в каждом его стихотворении присутствует мотив любви, но часто он выступает не в одиночестве, а в сложном сплетении многих мотивов. Теме

любви, кроме того, почти постоянно сопутствует другая, не менее остро обрисованная тема — о высоком призвании певца-поэта.

Лирическая призма Саят-Новы отражает его эпоху со многими ее противоречиями. Сквозь соловьиную песнь о радостях и печалях любви порой очень внятно звучит социальное и политическое, доносятся звуки гнева, протеста, порицания. Говоря по-современному, поэзия Саят-Новы остро конфликтна — это и песнь о неразделенной любви, это и трагедия одиночества и бесправия. В своеобразном восточном преломлении мы увидим здесь в зачатке трагический конфликт между поэтом и царем, — конфликт, хорошо знакомый нам по судьбе Пушкина, или трагедию, напоминающую участь многих замечательных сынов русского народа — художников и артистов из числа крепостных крестьян.

Лирические раздумья Саят-Новы вмещают многое: поэт и народ, имущие и бедные; преходящая пена, мишура событий и устойчивость добра, человечности; родина и чужбина; радость и горе; правда и ложь; достоинство ума, таланта, образованности и невежество; жизнь и смерть. Все это, со всеми наслоениями времени, с печатью христианско-феодальной идеологии, на которой, однако, видны уже зияющие трещины, нашло тот или иной отзвук в мироощущении поэта. Привлекают и покоряют высокий артистизм Саят-Новы, сознание огромной силы своего дарования, богатство чувств с широким регистром — от светлой грусти до отчаянья и крика.

На все лады воспеваает поэт-гуманист ни с чем не сравнимое, великое и всеохватывающее чувство любви. Струны его саза звучат то бурно и восторженно, выражая сладкую истому, переполняющую сердце, и кажется, что вот-вот они лопнут, то они мелко дрожат под пальцами ашуга, и звуки сникают в печали и тоске, чтобы снова вкрадчиво и ласково петь о любви.

Есть в песнях Саят-Новы отголоски восточного меджнунства, своеобразной апологии одержимости и безумства влюбленных, или философии любви, согласно которой любимая — огонь и в нем неизбежно должен сгореть любимый, — это особенно заметно в его стихах на азербайджанском языке, — но не они, эти отголоски, определяют мироощущение поэта. Сквозь традиционные наслоения и фольклорные реминисценции в стихах Саят-Новы явственно слышен собственный голос поэта, чья большая любовь, чьи бурные чувства не укладываются в рамки социальных отношений его времени. Поэту тесно в том мире, в котором он живет, — отсюда его неудовлетворенность, которая с годами приобретает трагический оттенок.

С чем только не сравнивает свою возлюбленную поэт, отыскивая для нее все новые и новые эпитеты и уподобления. Кажется, весь мир со всем многообразием вещей, красок и звуков только для того и создан, чтобы можно было с их помощью воспеть красоту любимой. Иной раз в двадцатистрочном стихотворении поэт использует более двадцати всевозможных образов-уподобле-

ний, привлекая для этого солнце, луну, звезды, драгоценные металлы, камни, ткани, цветы, деревья, травы, оленей, птиц, ароматические и опьяняющие вещества, тончайшие изделия мастеров, музыкальные инструменты, пряности и сладости, огонь и воду, краски и цвета, высшие титулы, легендарные имена и многое другое. Этот наплывающий на читателя поток сравнений и эпитетов мог бы иной раз показаться безвкусным нагромождением слов, если бы стихотворение в целом не было согрето живым, горячим чувством, если бы здесь и там постоянно не прорывались признаки того же романтического стиля, но лишённого всякой выпренности.

Сам поэт сознает приподнятый строй своих стихов, замечая, что «без возвышенных речений восхваленье — невозможно». В другом месте он говорит, что «славословий моих только слон мог бы книгу нести». Поэт отлично чувствует различие в стилях и традициях, замечая: «Лицо твое, — сказал бы перс, — второе солнце и луна», хотя, быть может, сам иногда щедро отдаёт дань той же восточной традиции, награждая любимую потоками уподоблений. Правда, и в этом случае его изобретательность огромна, он поражает неожиданными поэтическими ходами, артистическим умением играть оттенками:

Скажу — ты шелк, но ткань года погубят;
Скажу — ты тополь, — тополь люди срубят;
Скажу — ты лань, — про лань все песни трубят.
Как петь? Слова со мной в раздоре, прелесть.

Или другой пример. В красивом и звучном стихотворении «Я в жизни вздоха не издам, доколе жан ты для меня!..» после двух десятков самых различных уподоблений в честь возлюбленной он восклицает:

Любовью опьянен, не сплю, но сердце спит,
тобой полно́:
Всем миром пусть пресыщен мир, но алчет лишь
тебя оно!
С чем, милая, сравню тебя? — Всё, всё исчерпано
давно.

Безудержное нагнетание образных сравнений у него нигде не превращается в простую их коллекцию, а всегда находится в живом взаимодействии с чувствами, настроениями, думами. Это же очень часто создает тот внутренний накал, ту высокую «температуру» стиха, без которых немислима поэзия Саят-Новы.

Одна из особенностей его стиля: рядом с пышным перечнем возвеличений, как бы внезапно переменяв регистр, пустить строчки, контрастирующие с тем, что было выше, непосредственной простотой обращения к любимой. Так, перечислив все дорогие наряды и украшения милой, он может сказать ей просто: «На тебе любой наряд всем на свете нравится». Абстрактная символика и цветастые эпитеты уступают место тому, что прямо почерпнуто из жизни и носит конкретный бытовой оттенок. Он внезапно может сказать: «Прочел я посланье твое, ты мое — отклонила

строга» или: «Плыви ко мне! Что в море ты стоишь, ладья английская?». Он может свою нежность к любимой высказать желанием — веткой вяза коснуться ее окна; так из года в год сторожить ее. Яркие возвеличения перемежаются игривыми и лукавыми строками:

О, приди, я твой, не гляди сурово, —
Неужели я — принят за чужого?
Снова солгала, обманула снова:
Я пришел, а ты не сняла засова, —
Задремала, мол, не слышала зова.

Примечательно, однако, что Саят-Нова, понижая тон, переходя от возвышенного к обыденному, никогда в стихе не перешагивает через поэтический предел, за которым уже начинается чистая проза. Так, сколько бы ни пел он на все лады о любви, никогда она не подменяется у него грубой чувственностью. Точно так же, привнося в стихи самые обыкновенные бытовые детали, он всегда остается на высоте поэтического их осмысления. Он говорит милой: «Ножницы злачены в руки ты возьми, подровняй нависший локон над щекой». Ножницы и те должны быть позолоченные, — в этом стилевое своеобразие Саят-Новы.

На тысячи ладов он обращается к любимой: «Под вечер, утром и вовек весь мир без тебя мне пуст»; или: «И Саят-Нова несчастный всё не спит, не спит все ночи. Так не спят ночами звезды, подчиняясь лунным чарам»; или: «Безумцем

стал, дышу любви угаром, а ты восторг мой треплешь по базарам». И за каждым из этих обращений чувствуется живое сердце поэта, его нетерпеливость и мечтательность, сила его любви и недовольство милой, неудовлетворенность.

У Саят-Новы много стихов, особенно на армянском языке, где становится значительно умереннее, а часто и совершенно исчезает страсть к образным уподоблениям, уступая место мягкому лиризму, основанному на задушевной непосредственности интонации, например «Откуда ты? (я соловью)...» Такие песни обволакивает нежная грусть, которая идет из глубины сердца. Она настолько жизненна и неистребима, что о ней сам поэт говорит:

Ах, и в книгах, и в песнях грустят не так,
Дай иного, иного лекарства мне.

Много раздумчивых стихов и на азербайджанском языке. Иногда усиление образительности достигается посредством многочисленных вариаций одного и того же символа, например розы в стихотворении «Розой раскрылась прелесть любимой...» Здесь роза получает столько разных уподоблений, так ею пронизана вся ткань стихотворения, что, кажется, начинаешь ощущать вкус лепестков и аромат ее. В то же время образ любимой сливается с цветком.

Встречаются и диалогические формы стиха, в которых рядом с авторским голосом слышен лукавый голосок женщины:

Весть пришла от яр прелестной: «Ни
приветам», — говорит,
«Ни слезам его не внемлю, ни обетам!» —
говорит,
«О моих сердечных тайнах с целым светом
говорит»,
«Всё равно мне, что случится с тем поэтом!» —
говорит.

Есть веселые, бравурные стихотворения, особенно на грузинском языке, с шуточной интонацией (вроде «В сад весенний дверцу милой открою...» или «В соловьях нет недостатка, полон сад цветов, — не так ли?..»), передающей атмосферу загородного пиршества. Та же непринужденная интонация, лукавая усмешка слышатся в строках:

Быть вдвоем! Об этом только мыслю я уделе!
Верь Саят-Нове: нам свиты шумный рой не нужен.

Широка палитра, многозвучен саз Саят-Новы в изображении чувства любви. Многие стихи представляют нескончаемый дуэт влюбленных с мольбой и увещанием, с нежным зовом и вкрадчивой ласковостью, с сомнениями и ожиданиями, с бурной радостью и тихой печалью, с надеждой и утратой веры, с обидой и лукавством, с готовностью страдать и желанием избавиться от нестерпимых мук, с сознанием силы и бессилия, с решимостью и отчаянием.

Он говорит возлюбленной: «Темнеет мир

в сердце моем, когда твой взор мне не горит»; то ему кажется, что он вместе с ней образуют «два луча»; то лукаво сообщает: «Я приду к тебе сегодня в поздний час», но знаешь ли ты о том, «что гостей своих не гонят сгоряча?». Он может пожаловаться на разлуку: «Не вижу, как проходит день, наполнить нечем мне досуг»; нежно просить: «Взгляни хоть раз», «на свете мне одна ты джан»; ласково обратиться: «Яр, отдай мне твои огорченья все...»; сердечно воскликнуть: «Саят-Нова еще живет, зачем же ты грустна, мой друг?»; разочаровавшись, спросить себя: «Иль лучшей девы, лучших глаз нет на пирах, Саят-Нова!»; недоумевать: «Иль раньше не любил никто? Какая на меня напасть?»; увещевать себя: «Не очень льсти, не кланяйся, Саят-Нова»; весело насмехаться, съязвить: «Саят-Нова тебе слуга, не больше. Все ж мне не понять, чтоб, отвернувшись от него, твой лик сиял пленительный»; жалобно причитать: «Ты отвернулась, отошла, не выслушан мой стон тобой»; скорбеть и чувствовать боль: «Меня ты ранишь без ножа», «Горю любовью, сгорая, сгорая»; и, уже отчаявшись, вопить:

О, как-нибудь сгубите меня, прошу!
Вот я — мишень, пронзите меня, прошу!
Камнями поразите меня, прошу!

Он может желать смерти: «убей меня» — и надеяться: «Преданный Саят-Нова ждать будет и за могилой».

Такова изменчивая гамма чувств поэта. Он великолепно знает природу любви и прошел в ней все ступени:

Тысячу обличий страсть принять умеет,
Ум, живые мысли усыплять умеет;
Чуть поймала, когти показать умеет;
Так — то отступаю, то, как пьян, иду.

И кажется порой, что песни Саят-Новы, все вместе взятые, — это единая поэма о любви, своего рода художественное исследование на эту тему. По мысли поэта, чувство любви беспредельно и полностью не постижимо. Для постижения его можно перейти тридцать мостов, за ними все равно снова раскроется полоса воды.

В двух своих программном значении стихотворениях — «Так жить хочу, чтоб каждым днем обязан был я лишь себе...» (на армянском языке) и «В морях любви на дне есть жемчуг, и вот, оттуда кладь моя...» (на азербайджанском языке), — очень сходных по мотивам и все же разных, поэт проводит полное тождество между исповедью своего любвеобильного сердца и самим своим щедрым искусством. Тема любви и тема поэзии сливаются; и та и другая вместе образуют единую бесценную кладь, бесконечное богатство, добытое трудами поэта: «Жемчужин набранных зерном обязан был я лишь себе». Неоценимо дорого это его богатство, но он готов поделиться им со всеми людьми, — в этом его призвание.

В поэзии Саят-Новы все же преобладают мотивы неразделенной любви. С годами все более мрачнеют мысли поэта — он утомлен борьбой, отвергнут, «истекает кровью» и уже сомневается: «Лечить я рану сердца рад, но можно ль исцелиться вновь?». Все надежды обманули, осталось с ним лишь его искусство. Но и здесь уже нет прежней радости, нет утешения. Мы слышим жалобу: «Невыносимым стал мне песенный мой дар». Глубокой скорбью и разочарованием проникнуты строчки:

Сожжен, изранен, я брожу, приюта нет родного
 мне,
 Я острых слов не нахожу, но для чего и слово
 мне!
 Тысячекратно я тужу: дано так много злого
 мне. . .

Эти трагедийные нотки продиктованы во многом обстоятельствами жизни поэта. Известно, что искусство Саят-Новы сблизило его с Ираклием II, о котором иностранные наблюдатели говорили: «любит великолепие и роскошь». Вполне естественно, что царь приютил и приласкал талантливого ашуга, тем более что последний выступил с новшеством, необыкновенно дорогим для сердца Ираклия, озабоченного возрождением культуры своего народа. Об этом сохранилось свидетельство самого поэта, пере-

сказанное в одной из грузинских летописей: «Я умел играть на сазе. Сочинил грузинские песни и подобрал к ним персидские мелодии. Этого до меня никто не делал. Когда царь Ираклий призвал нас, музыкантов, в меджлис, я запел по-грузински на персидский мотив. Царю это очень понравилось, и он меня наградил — даровал халат. После этого многие захотели последовать моему примеру».

Говорил ли поэт именно в таких выражениях или других, это не столь важно, существо схвачено здесь верно и совпадает с устной народной версией. Искусство ашугов первоначально находилось под сильным влиянием персидских традиций. Многие ашуги-армяне слагали свои песни и пели по-персидски. Так повелось из года в год. Саят-Нова своим могучим и многообразным даром перевел песенное творчество народных певцов — не только армян, но и грузин — в русло национального развития. Новаторство Саят-Новы имело огромное значение для подъема и развития демократической культуры в условиях народной жизни, стесненной иноземным порабощением. Он справедливо считается родоначальником ашугских школ в Армении и Грузии.

При дворе Ираклия зародилась романтическая любовь поэта к одной знатной женщине. Она имела для его дальнейшей творческой судьбы роковые последствия. Увлечений у поэта, должно быть, было немало, но, судя по стихам, безнадежная любовь к знатной красавице была последней страстью поэта. Была ли взаимность

чувств? Об этом мы ничего не знаем. Скорее всего ее не было и не могло быть: поэт и его возлюбленная стояли на полярных точках социального бытия. Об этом говорит сам поэт: «Знаю, ты — царица, странник я простой».

Наиболее взволнованные, отмеченные глубоким драматизмом и в то же время противоречивые стихи поэта относятся к 1758 и 1759 годам. Видимо, в это время особенно обострились его отношения с окружающими людьми. Назревала трагедия. Злые обстоятельства, впрочем вполне понятные в тех условиях, грозили разлучить поэта с любимой кяманчой. Только ли сердечные нелады были источником страданий? Нет, конечно! Хотя поэт пишет: «По сердцу друга мне я в мире не найду и, сетуя, кричу всем про свою беду», ясно, однако, что есть еще другие беды у него. Его жалобы все чаще направлены не только к любимой женщине, которую он винит в холодном безразличии («Кто знал предел твоему равнодушью?»), но и к тем, кто разлучает его с милой: «Как убедить мне разлучника злого, — враг он Фархада, нет злобнее твари».

В некоторых стихотворениях явственно слышен ропот поэта, его протест против несправедливости, отзвуки борьбы, которую он вел глухо, но настойчиво против господствующей знати. Сын поэта, Оган, переписывая стихи отца, в одном месте замечает, что его сердце «полно печали, но язык не поворачивается сказать о многом». И тут же неявно намекает, что были лица, вра-

ждовавшие с поэтом, «порожденья чеснока и лука, возомнившие о себе, что они — ананасы». И действительно, поэт все время разоблачает, бичует злобствующих и завистливых людей, в его руке появляется острый меч сатиры: «Иной, расслабленный, в бессильной брани того, кто мощен и высок, бракует». С твердой верой в свое призвание он говорит:

Свинья на дерево залезть не может.
Пусть мрут, чьи печени лишь злора гложет!
Саят-Нове народ пиры умножит.
Он весел. Злости он порок бракует.

Все больше и больше он вынужден говорить о том, что гложет его душу: «Сколько печалей, исполненных яда, в щедром Саят-Нове, в нем, — в сазандаре!» Появляется мотив чужбины: «Я стал от родины далек... и край чужой... мне слать печали не устал», поэт жалуется, что «беды горло сжали», «дни бед меня гнетут превыше мер», «горе труд, превыше мер».

Можно предположить, что немало обид причинили великому ашугу его завистливые товарищи по профессии, всякие неудачливые певцы. Это не исключено, хотя ясно, что разделаться с ними Саят-Нове не представило бы трудностей. Сохранились некоторые записи, указывающие на прямые стычки поэта с представителями высшей знати, — вот что могло вывести его из равновесия. Здесь-то и шла неравная борьба. Именно о ней постоянно идет речь в стихах последнего периода.

К самому царю, Ираклию II, ведут многие нити интриги, завязавшейся вокруг Саят-Новы. Очень важно правильно оценить отношения между поэтом и этим крупным государственным деятелем. Совершенно очевидно, что первоначально Саят-Нова относился к Ираклию не только с необходимой почтительностью, но и просто любил его, высоко оценивая его ум и способности. «Царь Саят-Новы — прекрасней царственных орлов, — Ираклий», — говорит он. В другом месте поэт отмечает некоторые черты, которые, очевидно, особенно нравились ему в царе: «как Ираклий хан ты, окруженный свитой, пляской, песней, сказом». Очевидно, что в лице царя поэт видел покровителя поэзии, ашугской песни.

Словом, нет ничего удивительного в том, что Саят-Нова был близок к Ираклию, возносил его, считал своим «наставником». Следует вспомнить при этом, что в то время такой передовой деятель армянского освободительного движения, как Иосиф Эмин, связывал свои мечты и планы освобождения Армении именно с Ираклием, специально ездил к нему, вел долгие переговоры. Они, правда, не увенчались успехом, но это не меняет существа вопроса. Несомненно и то, что сам Ираклий поначалу относился к Саят-Нове с симпатией, выделял среди других, всячески покровительствовал ему. Но Ираклий не во всем и не всегда был свободен в своих действиях — он был окружен дворянской знатью, людьми своевольными и недалекими. Не случайно при первой же беседе с тем же Иосифом Эминым Ираклий «сразу же начал жаловаться

на своих дворян, «рожденных за двадцать четыре часа до дьявола», на их ненадежность и вероломство и задал вопрос — как превратить их из «диких зверей» в настоящих людей». Рядом с Ираклием стоял, наконец, ученый католикос Антоний, автор теологических работ, много сделавший для просвещения, которому, однако, вряд ли могли быть по душе песни Саят-Новы с их подчеркнуто светским характером.

Была ли причиной гонений, обрушившихся на поэта, безнадежная любовь его к одной из придворных дам или его правдивое, острое слово стало поперек горла кому-либо из властителей-дворян — точно не известно. Ясно, однако, что поэт был оклеветан, изгнан из дворца, его стали преследовать, и травля кончилась тем, что Саят-Нова вскоре предстал в сане священника армянской церкви в глухом Закатальском округе, под новым именем Тер-Степаноса. Сладкие звуки кяманчи уже не услаждали слух его многочисленных слушателей. На смену им пришли скучные слова, обращенные к пастве. А досуг свой Саят-Нова заполнял, переписывая отрывки из «Песни песней» и Экклезиаста. На одной из таких бумаг сохранилась запись: «Я, грешный священник Степанос, которого звали Саят-Новой, и отец мой — махтеси Карапет, а мать Сарра. . .»

Превращение знаменитого ашуга в провинциального священника, конечно, событие исключительное. Это была форма жестокой ссылки, однако внешне она была обставлена весьма благочинно по тем временам. Кто знает, быть может, чья-то дружеская

рука спасла таким образом поэта от еще худшей кары?

Травля Саят-Новы продолжалась несколько лет, судя по тому, что он изгонялся из дворца дважды: в 1752—1753 годах и окончательно — во второй половине 1759 года. С этого времени навсегда закрылась заветная тетрадь Саят-Новы, она уже через шесть лет попала в руки одного из его родственников и хранилась у него. Трагический поворот в судьбе поэта нашел яркое отображение в его стихах. По ним мы можем судить о буре чувств, охватившей его смятенную душу.

Тяжело поэту рассказывать о своем изгнании: «Прочь меня прогнал царь в ожесточеньи: «Грязный войлок ты, поношенье взгляда!» Но Саят-Нова еще верит в царя, надеется на его справедливость. Он обращается к нему: «Неужели я и суда не стою?» Хотя в то же время с горечью осознает: «Я — мужик: толкнут и не ждут ответа».

Однако царь — действовал ли он по собственному разумению и желанию или по наущению других, все равно — остается непреклонным; он глух и равнодушен к чувствам и судьбе Саят-Новы. После этого, должно быть, окончательно разуверившись в царя, поэт обращает к нему слова гордые и уверенно-спокойные, полные величия души:

Злобным быть, как иной, не хочу совсем,
Пышной жизни мирской не хочу совсем,
Мстить вам речью дурной не хочу совсем,
Честь забыть хоть порой — не хочу совсем,
Князем быть, смерд простой, не хочу совсем.

Отойди, чашей кровь ты мою не лей:
Люди знают, что я поценней камней.
Как обычай велит, я в руке твоей,
Ты в атласах меня да в шелках лелей,
Рясы с черной каймой не хочу совсем...
Хлеб и соль есть с тобой не хочу совсем!

Гамма чувств его широка. С одной стороны, он признается, что «не на врага в обиде я в эти дни, любимый друг мне в чашу яд положит». С другой — впервые приходит мысль о том, что «меня дворцы не слышат, яр», «я в Грузии, среди князей, напрасно жизнь растрочу». И вместе с тем приходит успокоение: «Я сохранил достоинство, изведав бед немало... Сберег я честь народную...»

Так изобразил Саят-Нова свой конфликт с Ираклием, и здесь все очень правдиво. В решающую минуту царь остался царем, а поэт — поэтом, как бы они ни относились друг к другу. Для его самочувствия стали характерны трагические ноты одиночества, безверия, сомнений и нерешительности:

Как на берег выйти? Я брошен в морскую пучину.
Рот кашей сожгло мне, — дую я на пахтанину.
Горшок я разбитый, и в яме я наполовину.
Как синька, я вылинял, взор на себя я не кину.
Рабом меня чтут Гурген-хана двора, — это правда.

С горечью сознавая свое гражданское бесправие, в то же время он гордо говорит о себе, подчеркивая свое превосходство:

Нет, Саят-Нова, не раб ты с робким взглядом!
И царя, пред кем все пали, ты не знаешь!

Таков замечательный поэт-ашуг Саят-Нова. Хотя он и был сломлен, но духовно не пал перед сильными мира. Его колебания — от смирения к протесту, от бурного веселья, осознания жизни как праздника бытия к осознанию ее как источника горя и ран, от утверждения любви и красоты к философии бренности и суетности всего земного — вполне естественны. Они объясняются обстоятельствами времени, событиями жизни поэта.

Уход Саят-Новы из светской жизни сопровождается большой внутренней борьбой, отмечен влиянием христианской идеологии. В поэте заметна растерянность:

Многое читано Саят-Новою,
Всё позабыл он, поник головою...

В песнях начинают звучать мотивы смирения, отшельничества, искупления:

Яр потерял, — ищи других страстей.
У бога все ключи, Саят-Нова.
Бессмертной влаги взял у музы ты.
Огонь потух, сосуды все пусты.
Ты прожил тридцать лет средь темноты, —
Недуг свой излечи, Саят-Нова.

И хотя он говорит: «порой любовь другую хочу найти», но знает, что излечить недуг он не может — «бинтом одним ли помощь двум ранам дам?», «врачи не могут врачевать, колдунью звать к чему

*

теперь?». Мрачные думы обступили его, все валится из рук, он не знает, что делать. Хочет уйти от коварства, подлости, надеть на себя власяницу, как-нибудь освободиться от гнетущей страсти, тяжелых дум. Глубоким пессимизмом проникнуты слова: «„Мир — ничто“, — мне кто-то шепчет меж ветвей». Ему представляется, что «людьми овладевает ложь», что «сегодня хуже, чем вчера». Все ему немил, осталась одна усталость; он чувствует себя затравленным: «нет сил терпеть насмешек злых, душа моя изнемогла». Ему кажется, что мир — окно, смотреть в него — что раны получить.

Его начинают занимать мысли о смерти. Горечью пронизаны слова о бесплодной деятельности многих ушедших певцов-ашугов: «Все ушли, любовных слов не дождалась. Их сомкнулись рты, плодов не дождалась». Он прощается с миром: «Живите в благе! Ухожу, — и ног не поверну я вспять»

Известно, что в конце 1760-х годов, после смерти своей жены, Саят-Нова принял монашеский обет и стал настоятелем Ахпатского монастыря (Сананин, в Армении). О жене поэта мы ничего не знаем, кроме того, что ее звали Мармар и от нее было у него два сына и две дочери. Ни о ком из них никаких упоминаний ни в стихах, ни в заметках его нет, хотя не раз он говорит об отце и матери.

Здесь, в скромном уединении, за темными камнями стен, тихо протекала жизнь нищего монаха. Сохранилось двестише: «Я, Ахпатский настоятель Саят-Нова, не имею капли масла для лампы». Но и здесь душа поэта не смирилась. Об этом свидетельствует последнее стихотворение, написанное,

по преданию, уже в годы монашества. Оно полно глубокого лирического раздумья и душевного драматизма. Рассказывая о своих бедах, пеняя на себя, Саят-Нова спрашивает: «Для чего, скажи мне, стал я монахом?» И вновь и вновь повторяет: «В чернорясца век бы не обращался!», желая тем самым подчеркнуть, что на то была чужая воля. Народная молва приписывает вынужденному старому монаху ряд веселых походов: будто бы Саят-Нова и в годы монашества, переодевшись, не раз появлялся в Тбилиси и участвовал в ашугских турнирах, неизменно выходя победителем.

Трагическим был и конец Саят-Новы. Старый монах, узнав о нашествии полчищ иранского деспота Ага-Махмуд-хана, прискакал в Тбилиси, чтобы отправить своих дочерей и сыновей в Россию. Это ему удалось сделать. Но сам он, застигнутый войнами-извергами в армянской церкви за молитвой, пал, пронзенный вражеским мечом. Это случилось в 1795 году.

Правда, существует и другая версия: будто бы Саят-Нова не был убит, а умер естественной смертью в 1801 году. Однако вряд ли можно считать ее сколько-нибудь обоснованной. Приходится больше верить устному преданию, зафиксированному первыми биографами поэта. Наконец, сохранилась могила Саят-Новы у стен той самой церкви в старой части Тбилиси, где убили его. Здесь 15 мая 1914 года по инициативе передовой армянской интеллигенции, писательской общественности, при огромном стечении народа, торжественно был открыт надгробный памятник поэту.

Нелегко разобраться во взглядах Саят-Новы на жизнь, лишенных цельности и единства. Мирозрение поэта во многом определяется мотивами феодально-христианской идеологии. Вместе с тем оно противостоит средневековой мистике и мертвящей схоластике, проникнуто резко выраженными гуманистическими устремлениями, демократизмом, огромным жизнелюбием. Эта чересполосица взглядов, как увидит читатель, ничем не прикрыта, хотя в конечном итоге, несомненно, берут верх гуманистические и демократические мотивы.

Иногда мироощущение поэта окрашивается в тона древневосточного скепсиса: жизнь непознаваема, невозможно предугадать ход событий. Все в мире преходяще, неустойчиво: «Мир не останется для нас, — пусть жизнь порой и весела». Счастье, весна, сладостные звуки саза — придут, уйдут. Споры, раздоры, насмешки милой — придут, уйдут. И дни, как воры обкрадывая нас, приходят, уходят. Мир суетен, человек, сгорая, исчезает. Стяжательство, накопительство — бессмысленны. Господин иль раб — перед смертью все равны. Над жизнью царит рок, не угадать его велений. Даже философы не познали тайн мира, не определили его вкуса и запаха.

Эта мрачная философия, однако, у Саят-Новы не отличается стойкостью. И хотя поэт, совершенно в духе христианской морали, требует смирения, покорности, соблюдения заповедей — божий глас внемли; жги лампаду правды; блюди чистоту души; не грехи злословьем; кто истину блюдет, не знает

горя, — ему все же явно тесно в мире традиционного благочестия. Сердце, мир чувств его не подчиняются предписанным схоластическим нормам, и в стихотворении «Ты, безумное сердце! мне вне-мн. . .», полном христианского морализаторства и призывающем во имя души ущемлять тело, он требует, наряду со всеми добродетелями, включая любовь к письму и чтению, также чтить милую деву. Без любви к женщине для Саят-Новы нет любви, нет мира и его философии. Всем своим творчеством он утверждает сферу реальных чувств, богатство души и ощущений человека.

Именно потому, что он влюблен в жизнь, остро чувствует ее красоту, ощущает окружающий мир со всеми красками, запахами, звуками, сменой тепла и холода, радости и печали, сладости и горечи, — ему трудно примириться с мыслью о смерти:

Строгает бедный гроб столяр,
Готовит смерть свой страшный дар.

И хотя последний час пугает его возмездием — «Взвесят грех. Весов и гири я страшусь.», — все же гораздо больше страшит его самый факт исчезновения жизни:

Смертный час придет и встанет надо мной,
Мне минуты не подарит ни одной,
Шелк возьмет, заменит скудной пеленой,
Этих мен в подлунной шири я страшусь.

Утверждение жизни, ее красоты, ее правды остается главным содержанием поэзии Саят-Новы.

Социальные отношения людей воспринимаются поэтом очень часто в их извечной данности. В стихах назойливо повторяется, что холст не обратится в шелк, как ни крась его, «корицей пшат благоухать не станет», «кто даст нищим дворец?», «кто черен, будет век таким, от мыла не белеет он; безродный в знать не лезь, кривуль не выпрямляй, Саят-Нова!». Однако через эти реакционные мысли, навеянные официальной идеологией феодального общества, поэт приходит к постижению подлинного добра и зла:

Добро и зло, мой боже, разъедини!
От деспота лихого — оборони!

Он говорит: «Кто смел, тот людям правду скажет просто». И перед ним общество предстает раздвоенным, расщепленным, каким оно и было в действительности: «этот — сахар вкушает, а тот — ляблябу», «этот — в полном достатке, тот — нищ, словно мышь», «этот — спит, тот — подушек и не обнимал...» Он видит, что всюду человека встречают по одежде, что трудовой люд бесправен: «Раба ругают сгоряча, судиться всё ж не может он». С горечью сознает: «Тружусь, а всё веселье — чужим пойдет». Его ярость направлена против богатеев, завистливых и злобных, против кичливой и пустой знати: «Иного наряди в атлас, ничуть не станет он видней»; негодяй не станет лучше, если даже он правитель; человек виден по слову, будь даже он визирь шаха.

Поэт заявляет: «Весь рой господ мне стал не

мил», «В друге не чинов ищущу», «Для злокозненных и низких я клянущих слов ищущу». Для обличения лжи и несправедливости господ в его мягкой лирической палитре находятся резкие сатирические краски: «И тыкве чашей не стать ширазской, хоть вознесешь ты ее над нами», «Не красят хною ослов копыта». Уничтожающие слова смело бросает он в лицо высокомерным властителям:

Сходства ищут иные с собою в горах,
Да нагрянувший ветер разносит их прах.

Или:

Злонамеренный подобен горсти праха,
Не украсит его гордая папаха.

Обличения поэта направлены и против торгашей, купцов. Он отвергает жадную наживу, накопительство, ему кажется, что жизнь обмельчала, нет уже былых славных людей — «потерял достаток почтенный род», правый суд заменен базаром, в мире сильна хитрость, преуспевают «люди, у которых ум в ногах, невежды, чей неверен каждый шаг». В такой зачаточной форме мы встречаем в стихах Саят-Новы критику торгово-буржуазных отношений.

Изобличение зла, невежества, скептическое отношение к догмам священного писания — сильные стороны его мировоззрения. В пору частых религиозных гонений, усиленно создаваемой персидскими и турецкими захватчиками отравленной атмосферы нетерпимости к христианским народам — лишь только в одном случае Саят-Нова подчеркивает, что

«он в вере тверд, он армянин». Поэт не только не знал национальной исключительности, но всем своим творчеством, характером деятельности сеял семена дружбы между народами Закавказья.

В то время постоянных грабежей, насилия и захвата, подавления прав и воли человека Саят-Нова воспекает богатство человеческих чувств, красоту душевного мира, выдвигает на первый план личность человека. Он призывает жить так, чтобы и добром, и злом, и своими бедами, «и своим стыдом» каждый обязан был лишь себе самому. Нам дорого и то, что острый глаз художника подметил в жизни самое главное: труд строителя. Сын народа, который и сам был каменщиком, строил где только мог монастыри и замки, крепости и мосты, дома и надгробные памятники, Саят-Нова возносит хвалу зодчему:

Лишь мудрый зодчий возведет чертог,
Он должен знать всему черед и срок.

Он уверен, что ценны не самые камни, а стены, сложенные из них руками человека: «Не о камнях, что спят во тьме земных пород, о тех, что строим стен предстали, говорят».

Когда читаешь иные строчки Саят-Новы, кажется, что пронизательный взор его через пелену времени был обращен к нашим дням:

Что мне помнить о минувшем! Новых берегов ищу.
Мир усопшим! Тех, кто ныне мне внимать готов,
ищу.

Сегодняшним строителям нового, коммунистического мира, прокладывающим пути в неведомые дали, особенно близки и дороги эти слова старого поэта.

6

Саят-Нова в своих стихах уделил много внимания призванию и мастерству поэта-певца. К этой теме он постоянно возвращается. По его высказываниям можно судить и о становлении самосознания художника в условиях феодального гнета, и об отношении его к тому слою общества, который позднее Пушкин заклеил словом «чернь», и об отношении к народу истинному, и о значении таланта, вдохновения, мастерства, поэтического слова. Взгляды Саят-Новы составляют важную главу в истории армянской эстетической мысли. Здесь мы находим продуманную систему художественных принципов, много такого, что не утратило своего значения и созвучно современности.

Поэзия ашугов, если она не отличалась эпигонски-ремесленными чертами, обязательно предполагала возможно полное слияние лирического «я» поэта с его личностью. Это мы чаще всего и встречаем у Саят-Новы. Не составляют исключения и те случаи, когда лирические излияния идут от лица женщины, например в стихотворении «Друг, ты попал в сети любви, — песенный дар я для тебя. . .» Очень характерна по своему смыслу даже эта строка. Влюбленная женщина рассматривает себя как «песенный дар» для певца. Дело в том, что, по

мысли Саят-Новы, ашуг не может не быть влюбленным. Влюбленность — его естественное состояние, источник творческой активности. С влюбленностью связывается творческая сила поэта, его вдохновение. Без этого Саят-Нова не мыслит истинной поэзии. Не раз с иронией он говорит о том, что теперь «мудрым каждый назван пустозвон» или «теперь любой созвучья в ряд положит». Обращая свои слова ко всякого рода бездари, к тем, кто подходит к песнетворчеству как холодный ремесленник, он восклицает: «Вы, соловьи без вдохновенья, кому нужны?» Это настолько хорошо сказано, что и сегодня может служить крылатой фразой, обличающей поэтическую гладкопись, эпигонство всех мастей.

Отмечая вдохновенность своего искусства, Саят-Нова на первое место ставит прирожденное дарование, талант:

Дар — от муз. Плачет саз, и летят слова.
Взял от пламени пламя Саят-Нова.

В этой же связи с сыновней нежностью говорит он о родной матери:

Мирно, мать моя, покойся ты в загробной тишине!
С молоком свой дар впитал я. Млечных я ручьев
ищу.

Вторым важным условием творчества он считает мастерство. Ашуг должен быть мастером, он обязан постоянно учиться у опытных учителей. В стихотворной «автобиографии» есть примечательная

в этом отношении строка: «В тридцать пять лет я много писал и много стирал». С самовзыскательностью художник говорит о себе: «В песнях и четвертой доли мастерства я не достиг, ученик я, чтоб учиться, лучших мастеров ищу». В другом месте подчеркивает: «Я лишь слуга ашугов искушенных». Слово мастера надо высоко ценить, оно совершенно и по содержанию и по форме: «Как речь у мастера быть может не стройна?»

С мастерством связана и любовь певца к своему инструменту. С большой теплотой и лаской описывает Саят-Нова свою кяманчу. У ашуга такая же ревнивая любовь должна быть к своему искусству, как и к любимой, в его сознании они сливаются. Их общим символом у Саят-Новы служит роза — любимейший его цветок. Необыкновенно бережен он и нежен к ней. Острой болью отзывается в нем всякое грубое прикосновение к царице цветов. Он просит дерево оберегать ее от глаз вороны: «Не быть вороне соловьем...» Обращается к шипу: бдительно охраняй цветок. Выражает свое презрение к тому, кто, как вор, с серпом может подкрасться к кусту и срезать его. Пишется об этом с такой душевной ранимостью, будто мы слышим знакомые есенинские слова: «...режет серп тяжелые колосья, как под горло режут лебедей». Сильное чувство красоты никогда не покидает Саят-Нову.

Он зовет к самостоятельности: «Ты устоишь, твой ум везде останется самим собой. Саят-Нова, вещай свое...», а также к ответственности: «Тебе всечасно люди глядят в уста. Всегда, как притчи,

речи твои текли». Высокое самосознание певца-поэта опирается на совершенно определенное представление о его роли в обществе:

Язык ашуга — соловей: он славит, не клянет
с плеча!
Пред шахом он поет смелей, и для него нет палача,
Нет правил, судей и царей, он сам спасает всех,
звуча...

Поэт — слуга народа и обязан высокий долг свой исполнять прилежно, заботливо. Горечью будет переполняться его сердце, но он обязан отдавать людям сладость напева. Именно поэтому хрупкое искусство надо оберегать от черни, от всех тех, кому оно представляется простой забавой. Тем, кто не видел, не понимал высокого предназначения его творчества, он адресовал гордые слова:

Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус
ручьев моих!
Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов
моих!
Не верь: меня легко свалить! гранитна твердь основ
моих!

Много горьких страданий Саят-Новы связано с удушливой атмосферой его времени, когда он нередко оставался одиноким и непонятым. Поэтому в минуту упадка душевных сил он мог сказать: «Я тот, кто — свет, но кто не знал признанья», — и в то же время в стычке с каким-нибудь титу-

лованным тупицей брезгливо и гневно бросить
ему в лицо:

Кто я — знать хочешь, мне докучая?
На наши песни взял все права я.
Я — Арутин, Саят-Нова я!
Пою, — и песни гремят громами.

Поэт отчетливо понимал также, что высокое призвание певца требует всей жизни. Искусство ашуга, как огонь, опалает, пожирает человека: «Песнопенье, словно пламя, сердце всё мое сожгло». Именно потому, что он отдавал всего себя своему нелегкому делу, он мог сказать: «Я тот, кто даст ученикам познание». И действительно, поэт стал не только признанным учителем многих поколений ашугов, но оказал заметное влияние на все последующее развитие родной литературы. Его ценное и поучительное наследие вошло в золотой фонд армянской культуры. Его пример, его живое дело и сегодня зовет пишущих к самовзыскательности, к совершенствованию поэтического слова, к истинному новаторству.

7

Саят-Новой увлекался, высоко ценил его поэтическое искусство Валерий Брюсов. В предисловии к сборнику «Поэзия Армении» (1916) он писал: «Содержание стихов Саят-Новы на первый взгляд — однообразно; однообразными кажутся и формы его

стихотворений. Но какое неисчерпаемое разнообразие сумел вложить поэт в эту кажущуюся однотонность! Он почти везде говорит о любви, но как разноцветны оттенки ее в различных стихотворениях, все эти переходы от тихой нежности к пламенной страсти, от отчаянья к восторгу, от сомнения в самом себе к гордому самосознанию художника! Поистине Саят-Нову можно назвать «поэтом оттенков»... Но как в то же время остры, глубоки и сочны в песнях Саят-Новы эти «оттенки»: их воспринимаем мы как самые яркие цвета...»

К этим справедливым словам можно прибавить, что поэт достигал изобразительного эффекта, выразительности в своих стихах не только большой силой чувства, но и тонким художническим зрением, незаурядным даром ощущать красоту и творить ее. Только истинный и смелый художник может сравнить возлюбленную с током, на котором, как зерна пшеницы, рассыпаны... жемчуга. Ведь стоит только представить сияние, идущее от несметного количества жемчужных зерен, чтобы захватило дух. И в то же время как спокойна созданная поэтом картина, здесь все ярко и вместе с тем нет густо наложенных красок, мазки сделаны тонкой и нежной кистью.

Или возьмем другую строку поэта, другой образ: «Пригретый солнцем гиацинт глядит из снега, точно яр». В горах ранней весной выбившийся из-под снега нежный цветок, первый росток пробудившихся сил природы, — разве не тонко передает он очарование любимой? Опять создана выразительная картина — и в основе ее наблюдательность художника, его острый глаз.

А как любит поэт сверкание перламутра, драгоценных камней, шелка и атласа, золота и серебра! Он пристрастен к сочетаньям, которые создают оттенки, переливы, и отвергает все, что застыло неподвижно, что резко и режет глаз.

И другую сторону изобразительного мастерства поэта верно отметил В. Брюсов — особую звучность, певучесть его стихов. Искусство поэта-певца, аккомпаниатора обязывало его остро чувствовать слово в его образном, музыкальном значении. «У Саят-Новы, — писал В. Брюсов, — соединяется с этим чуткая заботливость вообще о звуковой стороне стиха. Песни Саят-Новы исполнены ассонансов, аллитераций, повторных и внутренних рифм: он один из высших мастеров «звукописи», каких знала мировая поэзия. Вместе с тем он и — дивный эвритмист, умеющий находить новизну напева в общепотребительных размерах».

Даже в переводах, в которых неизбежно звукопись терпит урон, мы чувствуем изумительное искусство оркестровки Саят-Новы. Приведу хотя бы одну строфу с тройной внутренней рифмой:

Свой оставим дом и уйдем вдвоем! В ветках капли
рос.
В рифму запоем! С алым лепестком мак цветы
вознес,
А в саду немом — роза с соловьем; лилии — меж
роз,
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

Очень трудно в переводе сохранить звуковой рисунок стиха. Скажем, строчки: «Ты песней стал, Саят-Нова, ты раной стал, Саят-Нова, ты садом стал, Саят-Нова» — прозвучали бы с одинаковой по сравнению с подлинником силой, если бы слова «песней», «раной», «садом» были бы созвучны, т. е. если бы можно было соответственно сказать: «та́гом», «да́гом», «ба́гом». Постоянно, настойчиво поэт ищет созвучий, и свежая, звучная рифма для него всегда радостная находка. Он говорит, что ему лады милее всего, что «песен звук ценней всего, что мне ценней он всех удач». Саят-Нова смело применял составные рифмы, цепные созвучья. Как реформатор армянского стиха, он умножил его ритмические возможности, необыкновенно обогатил способы рифмовки.

Рифма у Саят-Новы играет большую организующую, композиционную роль внутри стихотворения. В ашугской поэзии известно несколько десятков форм стиха. Они близки, в частности, к формам иранским, возможно, первоначально были позаимствованы у иранских мастеров стиха. Саят-Нова использовал не многим более десятка, но эти формы под его пером обрели новую жизнь, на них лежит печать его индивидуальности, его вдохновенного мастерства.

Лирическое стихотворение не может быть длинным. Это прекрасно понимали и понимают многие поэты-лирики. Наиболее излюбленная форма у Саят-Новы — это стихотворение в 20 строк: 5 строф по 4 строчки в каждой; в строке 16 слов. Рифмуются все строчки первой строфы и пос-

ледние строчки остальных строф; во 2-й, 3-й, 4-й и 5-й строфах — в каждой своя рифма, она не повторяется. Саят-Нова непревзойденный мастер этой очень емкой, цельной и необыкновенно певучей формы стиха. По справедливости ее можно бы окрестить именем великого ашуга, это — своеобразный «сонет» Саят-Новы.

Непременное повторение одного и того же слова (или нескольких одинаковых слов) в конце ряда стихов — не есть прихоть формы. У Саят-Новы рифма по существу удлинена и делится на две части: активную — собственно рифму и пассивную — ее привесок. Активная часть все время меняется и не может быть повторена в пределах одного стихотворения. Привесок же повторяется и будто бы нейтрален. На самом деле он каждый раз входит в новое взаимоотношение с меняющейся активной частью и со строкой в целом. Это усиливает многозвучность и напевность стиха и создает дополнительное сцепление между строками. Такая структурная особенность рифмы ценна и в смысловом, образном значении. Постоянный привесок, вступая во взаимодействие с меняющейся основной частью рифмы, нередко образует вместе с ней как бы новое, удлиненное слово. Так, если взять строчку: «Скажу я сердцу твоему — зачем со мной ты не в ладах?» и другую рифмующуюся с ней строчку: «Вины моей нет никакой, гляжу с тоской — ты не в ладах...», то станет ясным, что привесок «ты не в ладах» в обоих случаях несет разные смысловые и образные функции. Или вот еще пример: «... от мук,

*

Саят-Нова», «... из рук. Саят-Нова», «... мой друг, Саят-Нова».

Когда читаешь в армянском подлиннике стихи Саят-Новы, вникая в особенности его поэтики, невольно на память приходит одно меткое лингвистическое определение А. Пешковского: слово — это «маленькое предложение», а предложение — «большое слово». Быть может, в песне или в лирическом стихотворении особенно важно, чтобы слово звучало как «маленькое предложение», а предложение — как «большое слово».

Другая важная особенность «сонета» Саят-Новы — его композиционная стройность и цельность. Стихотворениям поэта свойственна особенная внутренняя полифоничность. Возникший в первой строфе мотив обычно находит и по смыслу, и по созвучию отклик в последующих строфах, каждый раз с новой стороны и в новом звучании, и некое разрешение в конце — в последней строфе. Так даже чисто лирическая тема обретает черты сюжетности, наполняется драматизмом.

Форма стихов Саят-Новы властно вошла в поэзию XIX века. Она утвердилась не только в поэзии ашугів армянских и грузинских, но и сказалась на творчестве многих поэтов. О ее живучести говорит и то, что с успехом ею пользовался поэт революции, обновитель стиха Егише Чаренц.

Конечно, Саят-Нова — человек гениальных поэтических способностей, но нельзя не учитывать того, что на протяжении десятилетий он упорно овладевал «тайнами» песни. Широкая осведомленность в персидских мелодиях, отличное знание техники

стиха, тонкостей исполнения — все это видно не только по форме его стихов, но и по многим авторским примечаниям к ним. Он унаследовал лучшие поэтические традиции армянской литературы, заметны, например, некоторые его переключки с поэзией Нагаша Овнатана и других поэтов. У него встречаются мотивы, сходные с армянским фольклором, а также ссылки на песни ашуга Дости, армянина по национальности, писавшего исключительно на азербайджанском языке. Владея свободно грузинским, азербайджанским, персидским и арабским языками, Саят-Нова использовал поэтический опыт и этих народов. Опыт Саят-Новы вмещал огромный поэтический мир.

В наследии поэта встречаются стихотворения, как бы призванные доказать безграничные возможности стихотворной техники, — с внутренней игрой слов, перестановкой букв в слове. К сожалению, перевести их почти невозможно. Есть у поэта стихи, где половина строк — армянская, другая половина — азербайджанская. Есть стихотворение, написанное на четырех языках — армянском, грузинском, азербайджанском, персидском — по строчке в каждой строфе.

Иногда ставилось в вину поэту чрезмерное использование разноязычных слов, причем, не учитывалось, что это не было признаком слабости. Ведь ашуги обращались обычно к многоязычному собранию людей, и умело вставить в песню необычное, свежее слово считалось для них особым шиком, признаком артистизма.

Главным в поэтике Саят-Новы остается своеобразие его художественных принципов, те его достижения, которые неожиданно перекликаются, совпадают с нормами стихосложения, по общему мнению утвердившимися в поэзии в конце XIX—начале XX столетий. Я имею в виду изобразительную щедрость в стихе, утонченное использование красок и звуков, все то, что литературоведение обычно считало — и сейчас еще по инерции считает — целиком достоянием поздних буржуазных течений в поэзии — символизма и других. Не случайно многие последователи Саят-Новы, восторгаясь его изобразительными средствами и выражая свое удивление, по вынужденной ассоциации называли такие имена, как Поль Верлен, Оскар Уайльд, Константин Бальмонт. Конечно, такие сопоставления неубедительны.

Наследие Саят-Новы вновь и вновь убеждает, сколь сомнительны выводы, основанные на узком научном кругозоре, когда исследователями учитывается лишь опыт европейских книжных литератур и оставляются в стороне две огромные сокровищницы поэтического слова: богатейший опыт поэзии Востока в широком смысле слова и такой же богатый опыт народной поэзии. При включении всего этого материала в научный оборот и при ближайшем рассмотрении его окажется, что многие изобразительные и выразительные средства поэзии, легко приписываемые поэтическим школам позднейшего времени, являются вовсе не их достоянием.

Однако есть существенная разница между применением этих поэтических средств в декадентских

школах Запада и в старой восточной или в народной поэзии. Все дело не в самих средствах, а в целях их использования. Нельзя не учесть, что одни и те же средства поэтического изображения и выражения могут быть использованы для организации мира ощущений человека, для приближения к конкретной реальности и необходимого синтеза, и наоборот, они же могут служить раздроблению и расщеплению ощущений, отрыву от реальности, отходу от синтеза — к неопределенности и хаосу. В данном случае эти средства как бы извращаются изнутри, становятся своей противоположностью.

В той же средневековой армянской лирике есть существенная разница между системой тропов в монастырской поэзии и в народной поэзии. Символика монастырей полна абстрактной энергии, риторического пафоса, она зовет к отрыву от конкретного и реального, к отречению от всего «личного». Символика народных певцов, наоборот, прикреплена к реальным ощущениям, обращена к человеку, к его конкретным чувствам, думам. Ведь Саят-Нова мог звать любимую точно так, как сегодняшний поэт: «Хочу прочесть тебе стихи, ты им внимать спешь, приди». Или просто сказать: «Милая, нами весь мир недоволен».

Отход литературоведения от европоцентризма, от привычных схем и шаблонов и пристальное внимание к поэтической технике народных певцов и поэтов Востока сулит замечательные перспективы — быть может, это путь принципиальных открытий в области поэтики художественного слова.

Давтар поэта — его рукописная книжка — дошел до нас далеко не в полном виде. Спустя полвека после смерти Саят-Новы автографы, хранившиеся у одного из внуков поэта, попали в руки первого исследователя его творчества — Г. Ахвердяна. От долгого хранения и употребления книжка была довольно потрепана. В ней уже тогда не хватало листов — в начале, в середине и в конце. Сколько было листов в книжке первоначально, установить невозможно. К тому времени она содержала 73 листа — 146 страниц заполненного текста. Листы по краям были засалены и покрылись сажей, среди них встречались и порванные, измятые, измызганные. Местами стерлись чернила, и в тексте образовались пробелы.

После первой публикации стихов на армянском языке рукописная книжка снова перешла к ее владельцам — потомкам поэта — и находилась у них многие десятилетия. Достойно сожаления, что, когда рукопись уже в нашем столетии была приобретена Обществом армянских писателей в Тбилиси, в ней обнаружилась новая утрата — недоставало шести страниц с автографами семи стихотворений на армянском языке. В 1921 году многострадальная рукопись была передана в Литературный музей Армении на вечное хранение.

Прочтение текстов Саят-Новы в подлинниках представляет большие трудности, некоторые его автографы до сих пор не прошли полной текстологической проверки. Это объясняется не только

тем, что в словаре поэта богато представлены иноязычные слова, но и особенностями письма, пропусками букв, возможными описками, неточностью орфографии. Немало сложностей возникает и оттого, что автор — на каком бы он языке не писал — употреблял неизменно письмена армянские и грузинские, последние гораздо чаще. Есть случаи, когда при изображении армянских или азербайджанских слов он пользовался вперемешку то армянскими, то грузинскими письменными знаками.

В авторской рукописи, по-видимому, сохранились стихи только на азербайджанском (ими открывается книжка) и армянском языках. В ней нет ни одного стихотворения на грузинском языке — и это также подтверждает предположение, что давтар Саят-Новы уцелел в крайне урезанном виде.

Большую ценность представляют в автографах примечания автора в конце стихотворений или на полях, сплошь написанные по-грузински. Почти каждое стихотворение поэт снабдил характерными указаниями. Они проливают дополнительный свет на его поэтику, часто определяя стихотворную форму, мелодию, способ исполнения, трудности музыкального сопровождения. Встречаются пометки, что за чем исполнять, или, например, запись такого содержания: «Кто изучит, пусть не исполняет перед мастером, оно трудное». Из ряда примечаний создается впечатление, что поэт предназначал свою книжку молодым, начинающим ашугам. И это еще раз показывает, какое большое значение придавал Саят-Нова высокому профессиональному мастерству.

В примечаниях автор неизменно утверждает, что данное стихотворение принадлежит Арутину, или Саят-Нове. Нередко в записях содержится обращение к читателю: одарить его прощением. В ряде случаев стихотворения датированы с указанием дня, месяца и года. В расположении стихов хронологический порядок не соблюден. В некоторых случаях видна работа автора над текстами, его рукой внесены исправления.

Список, сделанный в 1823 году в Петербурге рукой младшего сына Саят-Новы Огана (он подписывался на русский лад: Иван Саядов), кроме стихов на азербайджанском и армянском языках, содержит также стихи на грузинском языке. Кроме того, он представляет важный источник для пополнения и уточнения текстов Саят-Новы. При составлении списка Оган пользовался одними грузинскими письменами. Не лишены интереса некоторые из его примечаний, поясняющие обстоятельства, при которых было создано то или иное стихотворение. Впервые этим списком заинтересовались ученые в конце прошлого столетия. Третьим источником текстов Саят-Новы послужили списки, сохранившиеся в различных армянских и грузинских рукописных песенниках.

Наследие поэта состоит почти исключительно из лирических стихов с широким, многотемным содержанием. Исключение составляют, пожалуй, две басни, не представляющие особой ценности, и «автобиография» — стихотворение, написанное в жанре восточных джасатнаме.

Дошедшее до нас наследие Саят-Новы невелико,

в целом это 225 стихотворений, написанных на трех языках. Как мало! И в то же время как это много! Не знаю, есть ли еще такой поэт, который с одинаковым успехом писал бы на трех языках!

Лучшие стихи поэта принадлежат к вершинным явлениям богатой и многоголосой средневековой армянской лирики, о которой Валерий Брюсов писал как о «высшем и наиболее самостоятельном создании армянского народа в области поэтического творчества». Вместе с тем как необычно и ценно то, что часть наследия поэта стала достоянием братской грузинской литературы. Несомненно, в истории ее оригинальные и сердечные песни Саят-Новы заняли свое, по праву им принадлежащее место. Сравнительно недавно читатели впервые ознакомились со стихами поэта на азербайджанском языке. Они дополнили, намного расширили наши представления о Саят-Нове; стало совершенно очевидным, что все написанное им на разных языках отличается исключительным единством содержания и стиля. И очень жаль, что немалая часть стихов до сих пор продолжает оставаться в рукописи. Нельзя забывать о том, что каждая новая строка классика — ценный вклад в культуру.

Я хочу заметить, что в настоящее время только целое изучение разноязыкого наследия поэта может дать достаточно полное представление о его творческом облике — не только о широте дарования, о содержании и форме произведений, но и о широте поэтического характера, сильного своим гуманизмом, глубоким интернационализмом. Ведь эти черты «народного слуги» и «вдохновенного соловья» тех да-

леких лет особенно дороги нам, людям эпохи коммунистического строительства.

Великий армянский поэт Ованес Туманян очень любил Саят-Нову и всячески содействовал популяризации его творчества. «Находятся люди, — писал он в 1913 году, — которые объясняют исключительный интерес к Саят-Нове «шумом», поднятым вокруг него «Армянским литературным обществом», и считают этот интерес преходящим явлением. Как жестоко они ошибаются, и как поверхностно они судят! Саят-Нова — не новинка, и почитание его — не мода. Кто слышал хоть раз его стихи, понял и полюбил Саят-Нову, — никогда его не забудет...».

С тех пор и в Армении, и в Грузии много сделано для изучения жизни и творчества поэта.

Песни Саят-Новы широко известны и за пределами Закавказья. Они переведены на русский, украинский, французский, немецкий, английский языки. Армянские стихи поэта издавались не только в СССР, но и в Алеппо, Тегеране, Александрии, Бейруте, Стамбуле.

С большой любовью и глубоким проникновением в творчество Саят-Новы писал о нем Валерий Брюсов: «...величественный, многообразный, потютчевски чуткий и, как Мюссе, страстный: один из тех первоклассных поэтов, которые силой своего гения уже перестают быть достоянием отдельного народа, но становятся любимцами всего человечества». В. Брюсов перевел двенадцать стихотворений армянского поэта, которые широко известны среди русских читателей.

В России первым заинтересовался творчеством Саят-Новы поэт Я. П. Полонский. Живя в Тбилиси, он почти одновременно с Г. Ахвердяном ознакомился с наследием ашуга, в 1851 году перевел несколько его стихотворений и напечатал в газете «Кавказ» статью о нем. «Для своего века, — читаем мы в статье русского поэта, — для Тифлиса, состарившегося под игом мусульманского владычества, Саят-Нова — исключение в высшей степени отрадное. Чувствуешь неволью, как этот человек должен был страдать, потому что был выше своих современников».

Я. П. Полонский написал по мотивам творчества знаменитого ашуга стихотворение, озаглавив его «Саят-Нова»:

Много песков поглощают моря, унося их волнами,
Но берега их сыпучими вечно покрыты песками.
Много и песен умчит навсегда невозвратное
время, —
Новые встанут певцы, и услышит их новое время.
Если погибну я, знаю, что мир мои песни забудет;
Но для тебя, нежный друг мой, другого певца уж
не будет...

Действительно, у нашего времени — свои, новые певцы. Но сделанное великими мастерами прошлого нами не забыто. Саят-Нова нередко сопровождал стихи приписками-обращениями к читателю — упомянуть его добрым словом. Эта заповедь поэта ныне услышана. На многих языках читая его лирику, советские люди выражают свое преклонение пред

гением мастера поэзии — простого сына народа.
Саят-Нова далеко перешагнул через свое время,
воздвиг в веках нерукотворный памятник себе.
Сегодня находят глубокий отклик в сердце каж-
дого, кто строит коммунизм, его бессмертные слова:

Благословен строитель, возведший мост!
С ним камень свой прохожий в лад положит,
Народу жизнь я отдал, — за это мне
Могильную плугу мой брат положит.

Сурен Гайсарьян

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

* * *

Как соловей, томилась ты,
Как роза, распустилась ты,
Водой из роз омылась ты,
    Омылась ты.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
    Равной нет, равной нет,
    Несравненной нет!

Твоя краса лютей бича,
Ах, тоньше волос твой — луча,
К лицу — с павлинами парча,
    К лицу парча.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
    Равной нет, равной нет,
    Несравненной нет!

Ты светишь солнцем и луной, —
Я по тебе томлюсь тоской, —
Ты носишь пояс золотой,
    Ах, золотой!

*

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Парча румянцем зацвела,
С бюльбюлем слезы ты лила,
На щечке родника мила,
Ах, как мила!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

О мне заглачет и скала —
Какие ты творишь дела!
Саят-Нову с ума свела,
С ума свела.

Равной в мире нет, равной в мире нет.
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Март 1752

* * *

Ты, безумное сердце! мне внемли:
Скромность возлюби, совесть возлюби.
Мир на что тебе? Бога возлюби,
Душу возлюби, деву возлюби!

Божий глас внемли и твори добро,
В житиях святых слово — серебро;
Святых целей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетут!
Знай, что хлеб и соль люди чести чтут,
Но не будь смешным: возлюби свой труд,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

Там, где господин, будь не горд, но тих;
Скромным будь всегда у господ своих;
Но у всех — душа: возлюби чужих,
Бедных возлюби, гостя возлюби.

Так, Саят-Нова, мудрость жить велит.
Что нам эта жизнь? Страшный суд грозит!
Душу берегай: возлюби и скит,
Келью возлюби, камни возлюби!

1 мая 1753

* * *

Твой силен ум: таким рожден, — себя глупцу
равнять зачем?
Меня за свой вчерашний сон презрительно
считать зачем?
Я издавна горю, сожжен! опять меня сжигать
зачем?
Устала ты, поверю я, меня же обвинять зачем?

Привет! — ведь ты сильна, как тот Ростом, сын
Зала! — дочь царя!
Старинный твой прославлен род, красы зеркало,
дочь царя!
Коль грешен я, пусть меч не ждет меня нимало,
дочь царя!
Но господу побойся ты: напрасно враждовать
зачем?

Кто ранен, позовет врача: не повредит, поможет
он;
Раба ругают сгоряча, судиться всё ж не может он.
Кто сердцем светел, как свеча, молву людей
отложит он.
Я богом истинным клянусь: меня нещадно гнать
зачем?

Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус
ручьев моих!
Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов
моих!
Не верь: меня легко свалить! гранитна твердь
основ моих!
Так наводнением без конца их тщетно подрывать
зачем?

Бьет ветер морской, песок гоня: песка не меньше
будет всё ж!
Живу ль, не станет ли меня, — толпу напев
разбудит всё ж!
Уйду, но в мире с того дня и волос не убудет
всё ж!
В Абаш, к арабам, к индам прах Саят-Новы
ссылать зачем?

* * *

Твой волос — смоченный рехан, иль шелка нить,
или струна.
Обводит золото черты, а бровь пером проведена.
В устах — и жемчуг, и рубин. Твоя завидна
белизна.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на
гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

. . . . .
На полюбившего сильнее пусть упадут напасти
все.
Уже два года протекли, как я тоскую о красе.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на
гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Увяла роза, соловей не прилетает больше в сад.
Я ранен в сердце, я спален, нет больше для меня
улад.
От страсти занедужил я, лежу, и жизни сам
не рад.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на
гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

* * *

Друг, ты попал в сети любви, — песенный дар
я для тебя.
Колких репьев не собирай, — мак, сусамбар я для
тебя.
Спрячу тебя в тень от жары, пышный чинар я
для тебя.
Смерти твоей я не хочу, персик, шакар я для тебя.

К розе чужой ты не стремись, — розы своей не
обездоль,
Изредка к нам в сад загляни, дружбу храня,
помня хлеб-соль,
Мир обойдя, ты не найдешь розы такой, ласковой
столь,
Лишь бы другой не полюбил, верная яр я для
тебя.

Лучше бы я не родилась, горе весне, сблизившей
нас.
О соловей, не говори: краток цветка розовый час,
И в Индостан не улетай, что тебе ткань, бархат,
атлас?
Всё, чего ждешь, здесь ты найдешь, — шелка
пожар я для тебя.

Богом клянусь: нежный мой цвет рад для тебя
жертвою стать.
Будем с тобой весело жить, нам с соловьем грусть
не под стать.
Пусть говорят всё, что хотят, стану тебе
я угождать.
Хочешь, создам вечную жизнь силою чар я для
тебя.

Старит беда, стала и я старше от мук, Саят-Нова,
Чашу любви не отдавай в руки из рук, Саят-Нова,
Я привозной редкий атлас, верный мой друг,
Саят-Нова,
Песенник свой в ящике скрой, — сладостный тар
я для тебя.

1 апреля 1754

* * *

Лишь знать, как много лет тебе! — с тобою твой
гусляр блажен.
Не хочет есть, не хочет пить, — с тобою сидя,
яр блажен.
Алеешь розой, вокруг тебя обвившись, сусамбар
блажен.
В слезах бюльбюль и день и ночь. Твоих шипов
удар блажен.

Ты благовоньем наполнишь мир. В индийских
взросшая лесах,
Так не могла б благоухать гвоздика у тебя
в устах.
Ты в украшеньях день и ночь, и держишь ты
цветок в руках,
К губам подносишь. Глаз твоих под скромной
бровью жар блажен.

Сколь многим смерть через тебя! Они томятся
всякий час.
Вздыхает, кто не зрел тебя, — вздохнет, узрев, сто
тысяч раз.

В тебя родится сын — готов пеленок золотых
запас.
Иль мать вторично дочь родит — в тебя.
Подобный дар блажен.

Один портрет твой в Арабстан, другой же
в Индостан попал,
Один портрет твой в Крым попал, другой же
в Дагестан попал,
Один портрет твой в Рим попал, другой же
в Прангистан попал.
Тебя увидя, скажет всяк: твой образ, полный чар,
блажен!

Давай, садись, Саят-Нова, и молви сладостно
свой сказ.
Не предавайся звукам весь, в томленьи дум
откинь свой саз.
Хрусталь в руках твоих. Налей! Две чаши
выпьем мы зараз.
Тобой на диво принят гость. С тобою сазандар
блажен.

* * *

Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач,
Дай иного, иного лекарства мне!
Жжешь, не лечишь ты рану, горит — хоть
плачь,
Дай иного, иного лекарства мне!

А она: не тревожь, уходи скорей,
На другой, на другой ищи стороне!
Не бывает добра от таких затей,
На другой, на другой ищи стороне.
На другой, увы, стороне.

Говорю ей: покоя не знаю я,
Стал бездельником, прочь бегу из жилья,
Тело чахнет, сгорает душа моя,
Дай иного, иного лекарства мне!

Отвечает: тебя мне не исцелить,
Сам ты горе свое научись избыть,
А не то оборвешь краткой жизни нить.
На другой, на другой ищи стороне.

Соловей я, а розу сожрет червяк,
Ты вложила мне в рану палящий злак,

Ах, и в книгах, и в песнях грустят не так,
Дай иного, иного лекарства мне.

Говорит: благо ты превратил во вред,
Ни боязни, ни совести, видно, нет,
Не гаси своей жизни неяркий свет, —
На другой, на другой ищи стороне.

Я сказал: золотишь ты волосы хной,
Подглядел как-то раз я в тиши ночной,
Стал мне смертью любви ненасытный зной —
Дай иного, иного лекарства мне.

— Пусть я царской короны аквамарин,
Пусть ты любишь меня, как Фархад —
Ширин,
Пусть всегда мной любим был лишь ты
один —
На другой, на другой ищи стороне.

Ах, не спорь, не кружи моей головы,
Захлестнуло мой челн волной синевы,
Коль умру — нет второго Саят-Новы,
Дай иного, иного лекарства мне.
Дай, увы, иного лекарства мне.

3 сентября 1756

* * *

От любви, как Меджнун, горю,
Думой вслед за Лейли парю,
Ты не засти, гора, зарю,
Прочь, гора, уйди, говорю, отсюда, отсюда!

За самшит милых рук и плеч
Пусть войдет в мое сердце меч,
Рад к порогу любимой лечь
Хоть на камень. Ты слышишь речь — отсюда,
отсюда?

Стан твой в шелк и атлас одет,
Держишь чашу, а в ней шербет.
От любовных томлюсь бесед.
Дай лекарства! Услышь, мой свет, отсюда, отсюда.

Сад люблю — садовник не я,
Знаю, кто хозяин жилья,
Песнь моя — призыв соловья.
Уходи, колючка репья, отсюда, отсюда.

Саз — пиров упоенье — ты,
Монастырское пенье — ты,
Плод — садов украшение — ты.
Слышишь — Саят-Новы мечты — отсюда, отсюда?

5 апреля 1757

* * *

Жив доколь я, джан, — милой в жертву дан. Как
избыть дурман?
Слез я лью фонтан, пусть умру от ран, — ты лишь
здравствуй, джан!
Молвишь: «Я — джейран!» — и, любовью пьян,
вижу стройный стан.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

Косы милой — мед, что фисташка — рот, всё
любви игра!
Близко от ворот до озерных вод, — рог трубит
с утра.
Роза к ветке льнет, соловей поет, — всем гулять
пора.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

Свой оставим дом и уйдем вдвоем! В ветках
капли рос.
В рифму запоем! С ярим лепестком мак цветы
вознес,

А в саду немом — роза с соловьем; лилии —
меж роз.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

Сроду ты была, милая, мила, словно та Лейла!
Я сожжен дотла! — прядь волос легла, где шипов
игла.
Роза зацвела, и в дремоту мгла соловья ввела.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

На тебе богат дорогой наряд, шелк, парча горят.
Кубок твой подъят, лей вино услад! — жертвы не
щадят.
Только выйди в сад! Режь, — Саят-Нова будет
только рад.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом
и мольбой.

2 мая 1757

* * *

Меджнун я, тоской палимый,
Лейли! Недуг исцели мой!
В печали неутомимой
Я плачу кровью, сгорая, сгорая.

Ночным соловьем рыдал я,
Ронял не слезы, а лал я,
В горячке, в бреде пылал я,
Пав к изголовью, сгорая, сгорая.

Безбожником стал я ныне,
В любовной истлел пустыне.
Безжалостна ты, в гордыне, —
Взываю вновь я, сгорая, сгорая.

Кричу, помогите, други,
Грудь — сад, а брови что дуги,
Нет краше во всей округе,
Любуюсь бровью, сгорая, сгорая.

Фиалка, цветок мимозы,
Дыханье карминной розы,
Утишь Саят-Новы слезы, —
Горю любовью, сгорая, сгорая.

1757

* * *

Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце?
жжет она!
Болезнь — любовь и этот раз, лекарство в свой
черед, — она!
Я слег, но взор мой каждый час опять к себе
влечет — она!
Мне надо умереть, ко мне, — ах! — лишь тогда
придет она!

Весна настала, и манят зазеленевшие края;
Фиалковые горы в сад давно послали соловья.
Но песни ночью не звучат. Чинара, это месьть твоя?
Пусть ищет роза соловья: его, ах! — не найдет
она!

Мак, ярко-красный, дал совет: «Скиталец-соловей
влюблен.
И, верно, вспомнит про букет, что базиликой
оплетен,
Но ты солги, что розы нет и что цветок был
унесен!»
Вот — изгородь, ах, соловей! твой бедный труп
несет она.

Сладки, сладки — твои слова! язык твой сахар и
набат,
И твой шербет, гласит молва, хорош, как спелый
виноград.
Семь дней твердил я, ты ж, резва, семь платьев
мерила подряд,
Бязь и кумач, но где же ткань, что всех
достойней? — ждет она!

Язык ашуга — соловей: он славит, не клянет
с плеча!
Пред шахом он поет смелей, и для него нет палача,
Нет правил, судей и царей, он сам спасает всех,
звуча,
Лишь ты, Саят-Нова, — в беде, пришла, не
отойдет она!

Июнь 1758

* * *

Меня ты ранишь без ножа. Палач моих
желаний ты.
О стыд души, не убивай меня тоской заране ты!
Изделье царских мастеров, халат из лучшей
ткани ты.
Инд, и Абаш, и Арабстан, Калат, что
в Хорасане, ты.

Как горна золотой огонь, твое лицо, сияя, жжет,
И всякий, видящий тебя, ума лишится в свой
черед.
Кто не видал, к тебе спешит, а кто увидит,
тот умрет.
Картина с фоном золотым, хранимая в сафьяне, ты.

Их много, кто, пленясь тобой, тоскуя встретит
смертный час.
А ты, как редкостный товар, открыта взору в год
лишь раз.
Твой господин сполна блажен, есть пища у него
для глаз.
Сад роз, и летом и зимой полна благоуханий ты.

Хвала художнику тому, кто нарисует твой портрет.
От лба до брови не дойдет, каким он рвением ни
согрет.
Твоей возжаждавший воды, не утолится ей, о нет!
В ширазском кувшине шербет, сладчайший для
гортани, ты.

Блажен сидящий близ тебя, яр, чья подруга
такова,
Кто не встречал коварной яр, кто верить мог
в твои слова.
Скажи: владеющий тобой, боится ль бед
Саят-Нова?
Ты с костяным узором сень, дворец меж прочих
зданий ты.

6 сентября 1758

* * *

Яр, никогда не знай беды, беда вовек — врагам
твоим.
Благоуханьем залит мир нежнее, чем бальзам, —
твоим,
Позолоченный Асмавур не предпочту словам
твоим.
Сияешь ясною луной, — и где предел лучам
твоим?

В поток любви твоей войдет не всякий, он —
глубок, залум.
Он тридцать перейдет мостов, а всё пред ним
поток, залум.
От стрел-бровей, от стрел-ресниц я вовсе изнемог,
залум.
Пловцу открыта смерти дверь, он обречен волнам
твоим.

Твой стан — поднявшийся тростник, а лик твой
на букет похож,
Ты всех цветов, но цвета нет, что б был на
вдовый цвет похож.

Горит алмаз во рту змеи, — он на тебя, мой свет,
похож.
Ты освещаешь без огня, покорна ночь огням
твоим.

Едва приветишь, — твой привет — приветствие
владык, точь-в-точь.
Пергамент -- руки у тебя, и жар-перо — язык,
точь-в-точь.
Как знамя золотой парчи, ты вьешься каждый
миг, точь-в-точь.
И всякий думает: ты шах, предшествуешь войскам
твоим.

Яр, отдалиться от тебя тяжеле смерти для меня.
Язык твой сладок, речь сладка, в устах —
каменья ярче дня.
И семь десятков на лице чернеет родинок, маня,
Как семь десятков слов несет Саят-Нова к ушам
твоим.

9 октября 1758

Не может, кто тебя встречал, представить лучший
миг услад!
Рука — самшит, а пальцы — воск: хрустальных
спиц он снова ждет.

Нет, я не полюблю другой! сдается: ты мне
суждена!
Лишь я неделю не с тобой, как рвется каманчи
струна!
Сам царь иль врач-Лохман со мной, а мне
поется: «Где она?»
Им раны не понять моей: она клинка стального
ждет!

Красавица! в тоске души один брожу, сожжен
тобой!
Красавица! о не спеши! дай погляжу, пленен
тобой!
Красавица! мир чей, реши: сужу, что отнят он —
тобой!
Доколе жив Саят-Нова, тебе ль певца иного
ждать!

* * *

Внемли: проникнуты слова мои мольбой, о свет
очей.
Привет мой взору твоему. Живу с тоской, о свет
очей!
Ты отвернулась, но я чист перед тобой, о свет
очей!
Весь мир насыщен, я один томлюсь алчбой, о свет
очей!

Иль раньше не любил никто? Какая на меня
напасть?
От чар твоих я без ума, меня испепеляет страсть.
Всех да минует мой удел, его не вынести и часть!
Как перепел, я опален твоей красотой, о свет очей!

Друзьями ль объявлю врагов, когда врагом стал
каждый друг?
Не вижу, как проходит день, наполнить нечем мне
досуг! . .
Господь свидетель, — тяжело мне, и вон всё
валится из рук.
Ты море чар, а я, как челн, в пучине той, о свет
очей!

* * *

Ты ярче сбри золотой в своих камнях, красавица.
Хранимы ты и милый твой на небесах, красавица.
Ты соловью дала язык, ты рай в цветах,
красавица,
Но розе — месяц жить, а ты живешь в веках,
красавица.

Хвалить тебя — конца не знать, всего не перечесть
добра:
Убранство стен твоих — парча, ковер чудеснее
ковра,
И каждый гвоздик — золотой, и доски сплошь из
серебра,
Ты — трон павлиний, что воздвиг великий шах,
красавица.

Ты — Искандеров царский лал, жемчужин
вереница ты,
Саморедчайшего зерна чистейшая частица ты;
Когда выходишь ты гулять, не различаешь
лица ты,
Тебе пред сильными земли неведом страх,
красавица.

* * *

Я был в Абаше, я весь мир прошел до края,
Тебе подобной нет нигде, ты отблеск рая, нежная,
Ведь на тебе и холст простой — ткань парчевая, нежная,
Недаром все творят хвалу, тебя встречая, нежная.

Ты — дивный жемчуг. Счастлив тот, кому судьба
купить тебя.
Не пожалает, кто найдет, но горе — обронить тебя.
Увы, в блаженном свете та, чей жребий был
родить тебя;
Живи она, была б у ней, как ты, — вторая, нежная.

Ты драгоценна вся насквозь, твоя сверкает
красота,
Волна твоих густых волос янтарной нитью повита.
Глаза — два кубка золотых, граненых чашечек
чета,
Ресницы — строем острых стрел разят, пронзая,
нежная.

Лицо твое, — сказал бы перс, — второе солнце
и луна.
Окутав шалью тонкий стан, ты золотом оплетена.
Художник выронил перо, рука виденьем сражена.
Встав, ты — как Раш, а сев, — затмишь блеск
попугая, нежная.

Но не таков Саят-Нова, чтоб на песке воздвигнуть
дом.
Чего ты хочешь от меня, — как в сердце вычитать
твоем?
Ты вся — огонь, твой плащ — огонь, — как воевать
с таким огнем?
На ткань индийскую твою легла другая, нежная.

1758

* * *

Угодливо, народный раб! служить ступай,
Саят-Нова!
Стяжать отличие царя не всяк мечтай, Саят-Нова!
И пусть подносят желчь тебе, ты сахар дай,
Саят-Нова!
Но от камней свое стекло оберегай, Саят-Нова!

Тупицу в школу помести, — от розг не поумнеет он,
Покуда из него злой дух покорно не ответит вон;
Кто черен, будет век таким, от мыла не белеет он;
Безродный в знать не лезь, кривуль не выпрямляй,
Саят-Нова!

Когда б ты звезды сосчитал и знал число очей
ночных,
Погубит злое дело — всё: чти жития людей
святых!
Слова спасителя — жемчуг, прекраснее лилей
лесных,
И свиньям лал и жемчуга ты не бросай,
Саят-Нова!

Там — радость свадьбы, там — печаль, там — пир
и песнопенье — там.
Там — двое любящих в саду, в церквах
богослуженье — там;
Коль волю духа ты творишь, не может быть и
тленья — там;
Водой шумящей унесен, не унывай, Саят-Нова!

* * *

Кто рядом сел — он пьян уже, в его глазах
  двоишься ты,
Кто раз взглянул — безумным стал, к безумцу не
  склонишься ты,
Источник мук и красота и лакомство
  меджлиса ты,
Оно — на час, ты — навсегда, зачем напрасно
  злишься ты?

У слов твоих шербета вкус, но жгут, как будто
  зной в тебе,
Как конь-огонь ты вся в лучах, и всё же блеск
  иной в тебе,
Жемчужный ток и перламутр! Небесный свет
  весной — в тебе!
Златая дверь! Двойным замком из серебра
  хранишься ты.

Пусть солнце озаряет мир, пусть звезды день
  задул уже,
Твой свет сильней, не поборошь твоих лучей
  разгул уже.

В руке — вода, в руке — и кровь, палач свой горн
раздул уже,
Виновен я — убей меня, не виноват — приблизься
ты.

Что мне павлин, его наряд! Убранством
беспорочна яр,
Пригретый солнцем гиацинт глядит из снега,
точно яр,
Влекомый розой соловей, к тебе прикован
прочно, яр.
Меня так скоро не гони, хоть соколом кружишься
ты.

Любовь свела меня в постель, ни музыки, ни
пенья нет,
Врачи все охают подряд: «Саят-Нове спасенья
нет»,
Кто приглашал — ушел ни с чем. Душе —
отдохновенья нет,
Но встану я, коль ты придешь, коль с каманчой
сдружишься ты.

* * *

Рисунок лучших мастеров — в малейшей части
у тебя.
Прелестна родинка. Не прядь — силок для страсти
у тебя.
Ты — роза, ты — и соловей, обоих сласть и у тебя.
И — проба золота — уста, душистей масти у тебя.

Лицо круглее что ни день — подобье молодой
луны.
Без влаги вьются волоса, не скручены,
не сплетены,
И все, кто раз увидит их, с прямой дороги
сведены.
В меджлис войдешь ли, — шорох, шум, — и все во
власти у тебя.

Приходят лик твой увидать за городами города.
Спасенье тем, кто чует смерть, в твоём бальзаме
навсегда.
Как пери, с места привстаешь, скользишь стопами
без следа.
Что каманча, когда звончей громки запястий
у тебя?

Фиалок, лилий, роз цветник у нежной на груди
возрос.
Что твоему владыке сад, когда ты вся — дыханье
роз?
Гуляет ветер меж цветов, он полнит парус из
волос.
Мир — море, ты на нем — корабль, трепещут
снасти у тебя.

Кто мог бы восхвалить тебя, — ни одного не
назову.
По глади моря голубой плывешь фиалкой наяву.
Нет сил бороться мне. Волна пусть унесет
Саят-Нову!
Кто зрел тебя, с ума сойдет: для всех напасти
у тебя.

Март 1759

* * *

Наш мир — окно, но улиц вид меня гнетет, мне
стал не мил.
Кто взглянет, ранен. Язвы жар, что душу жжет,
мне стал не мил.
Сегодня хуже, чем вчера; зари приход мне стал
не мил.
Нельзя резвиться каждый день. Забав черед мне
стал не мил.

Что достоянья редкий клад, когда от нас он
утечет?
Тот человек хорош, кого сопровождал всегда
почет.
Мир не останется для нас, как слово мудрых нам
речет.
Хочу бюльбюлем улететь, мой сад — и тот мне
стал не мил.

Ты не поручишься, что день с утра до ночи
проживешь.
В руках господних, человек, легко придешь ты и
уйдешь.

Но эта правда не для всех, людьми овладевает
ложь.
Им — двадцати — не взять раба! весь рой господ
мне стал не мил.

Мир не останется для нас, — пусть жизнь порой
и весела.
Адама нечестивый сын, проклятье на твои дела!
Нет сил терпеть насмешек злых, душа моя
изнемогла.
Врагами стали мне друзья, чужой народ мне стал
не мил.

Саят-Нова сказал: дни бед меня гнетут превыше
мер.
Бывалой сладкой славы нет, и горек труд превыше
мер.
Над розой плачу, как бюльбюль, — шипы растут
превыше мер.
Раскрыться розам не дают, — их сбор и счет мне
стал не мил.

Апрель 1754

* * *

Из всех людьми хвалёных лир полней звучишь ты,
каманча!
Кто низок, не иди на пир: пред ним молчишь ты,
каманча!
Но к высшему стремись: весь мир, всех покорись
ты, каманча!
Тебя не уступлю я: мне — принадлежишь ты,
каманча!

Ушко — серебряное будь, сверкай на голове —
алмаз;
Рука — слоновой кости будь, на чреве —
перламутр, что глаз;
Струна — из злата свита будь, резьбой пленяй,
железо, нас;
Ты — бриллиант и лал! И суд — всех посрамишь
ты, каманча;

Смычок быть должен золочен, чтоб пышно он
блистал, звеня;
Певучий волос — быть сплетен из косм крылатого
коня.

Тем, как бальзам, даришь ты сон, тех ты бодрить
всю ночь, до дня:
Ты — золотой сосуд с вином, и всех пьянишь ты,
каманча.

В ашуге две души с тобой: ему и чай и кофе есть;
Когда он утомлен игрой, на полке ты находишь
честь,
Когда ж поет, — вновь пир горой, ты — празднеств
и гуляний весть!
Собрав красавиц вокруг себя, их всех манишь ты,
каманча!

Ты всем даешь веселый вид, с тобой опять
здоров больной;
Чуть сладкий зов твой зазвучит, блажен, кто
говорит с тобой.
Проси, да скажут: «Бог продлит — дни нас
пленявшего игрой!»
Доколе жив Саят-Нова, что не узришь ты,
каманча!

* * *

Меня и милую мою година та ж родила, знай,
И потому я вздох таю, а в сердце кровь застыла,
Я днем и ночью слезы лью, а в грезах много
Мой влажен глаз, язык сожжен, уста любовь
спалила, знай.

Ах, сердце замерло в груди, утомлено борьбой
И око тускло, погляди, томится по одной оно,
Тьма перед мыслью впереди, лишь пение — со мной
Но мне надежды в жизни нет, близка моя могила,
оно,
оно,
знай.

Сожжен, изранен, я брожу, приюта нет родного
Я острых слов не нахожу, но для чего и слово мне!
Тысячекратно я тужу: дано так много злого мне,
И мысль и память как в цепях, меня пучина
мне,
скрыла, знай.

Но сердца траурен наряд, и кровь из глаз
струится вновь.
Как тучи на море лежат, так жаждет грудь
упиться вновь.
Лечить я рану сердца рад, но можно ль
исцелиться вновь?
Так истекаю кровью я, ах! я отвергнут милой,
знай!

Кто видит, говорит сейчас: «Ты гибнешь, ах!
Саят-Нова!
Тебя встречать ли нам не раз, кровь на очах,
Саят-Нова!
Иль лучшей девы, лучших глаз нет на пирах,
Саят-Нова!»
Вся жизнь прошла, как сон, плодов лоза не
подарила, — знай!

* * *

Скажу я сердцу твоему — зачем со мной ты не
в ладах?
И пьяницу спрошу потом: ужель с лозой ты не
в ладах?
Вины моей нет никакой, гляжу с тоской — ты не
в ладах.
Все беды мне, я терпелив всегда с тобой, —
ты не в ладах.

Разлуку трудно перенести. Идут лета? —
не знаю сам,
Подавлен ум, заморожен. Где красота? —
не знаю сам.
Путь караванам к нам закрыт — давно ли так? —
не знаю сам,
Как сборщик пошлин, говорю: с пустой сумой
ты не в ладах.

Любовь уже совсем слаба, порвать ту нить всё
хочет яр,
Как мальчиком руководить, меня учить всё
хочет яр,

Зла не поняв, ножом, шутя, сердце пронзить
всё хочет яр,
 Мне жизнь не в жизнь, красавица, коль
с прямотой ты не в ладах.

Немало мудрых книг прочел и притчи изучил
сполна,
 Но сердцу вновь услады нет: меня несет любви
волна.
 Свидетель бог, пусть и врагу такая участь
не дана.
 Убита лань. Я говорю: знать, с той стрелой
ты не в ладах.

Пришла весна во всей красе, петь соловью
пора уже.
 Саят-Нова один в слезах, его тоска стара уже:
 Коль ты теперь без свиты хан — с своей судьбой
ты не в ладах.

1759

* * *

Коль неучу слово дано, ему внимать к чему
теперь?
Коль всё кругом черным-черно, нам маков ждать
к чему теперь?
Коль смерти ты ему желал, плач соблюдать к чему
теперь?
Для савана лишь цвет один, зря украшать к чему
теперь?

Платить за слово мастеров добра и денег не
жалей.
Цвет цвету рознь, числа им нет, один богаче,
тот бедней.
Иного наряди в атлас, ничуть не станет он
видней.
Коль черен ты, зря родинки тебе желать к чему
теперь?

Кто справедлив и чист в делах, я лишь того
готов ценить.
И мудрецам не удалось нам до конца мир
объяснить.

Вот скачет рок — крылатый конь четвероглав, —
его ль пронзить?
Нам ничего не взять с собой, тлен собирать
к чему теперь?

Разлука с матерью горька, заплачь, дитя, тоску
зелей.
Силки расставил Сатана, соблазнами он всех
сильней, —
Сынов Адама ждет беда, — его улов, что день —
мощней,
Когда б не так, то Орну нам благословлять
к чему теперь?

Судьбы кружится колесо — достатком ты не
наделен,
Увидят стар, помят армяк, не спросят: гость?
откуда он?
Саят-Нова для ран своих целебных трав, корней
лишен,
Врачи не могут врачевать, колдунью звать
к чему теперь?

* * *

Не плачь, о джан, пусть разум твой ни в чем
  плохого не узрит.
Пусть взор ничей, что так судьба твоя сурова,
  не узрит.

Пусть луч зари, пусть лунный свет над миром
  вовсе не горит!
Пусть друг умрет, да лишь твой лоб он без
  покрова не узрит.

В потоке слез исходишь ты — в печали смерть
  и мне грозит.
Пусть после нас подлунный мир воды и крова
  не узрит.

Коль я к тебе не загляну, — снесу не мало я обид.
Но не приду, пусть взор тоски и зла такого
  не узрит.

Пусть утешением тебя небесный голос одарит.
Пусть скорбь твою Саят-Нова, на смерть
  готовый, не узрит.

* * *

Склони свой слух, баритавур,
Но с яр моей играть не смей,
Ей сердце поражать не смей,
В ней пламя раздувать не смей.
С весельем спет
На тридцать лет,
Ее ты обижать не смей.

Обидеть бойся пустяком,
Чтоб не ушла от нас тайком.
Со мной играешь ты глазком.
Я — сушь ветвей
В жару страстей, —
Султан и хан мне нипочем!

Как хан, свой суд свершаешь ты,
Как царский сын, считаешь ты.
Скажи, что затеваешь ты?
То вязь тенет.
Твой рот — что мед.
Мне душу речью маешь ты.

Остался только вид меня.
Любовь к тебе язвит меня.
Гранат твой исцелит меня, —
    Гранат грудей
    И сласть речей;
Дыханье уст палит меня.

Уста твои что лал, краса.
Наряд твой злато-ал, краса.
Я мысль твою узнал, краса?
Прельстить, увлечь? — напасть моя!

Прельщать ты вправе, яр, сполна.
В тебе земной весь шар сполна.
Ты с Инда каламкар сполна,
    Насурмлена, —
    А я без сна,
Томишь, колдунья, плоть мою.

Кругом, колдунья, сеешь зло.
Ты — как ширазское стекло, —
Узор искусство навело.
    Ты — блеск зеркал,
    Алмаз и лал.
Меня лукавство извело.

Лукавства не таишь свои,
Ты волосы кропишь свои.
Права осуществишь свои?
    Китай дарит
    Грудей нефрит. —
Ты перси веселишь свои.

Ты весела и горяча.
Обильны косы вдоль плеча.
Наряд твой — золото, парча.
    Как нить сучить,
    Так слезы лить
Всем, кто увидит палача.

Ты нежный розовый цветок,
Ты бывший в море оселок,
Ты каманча, сантур, гремок,
Хитро поешь, напасть моя.

Ты всех пленишь, когда идешь.
Ты, как в саду вода, идешь.
Фиалкой без следа идешь.
    Всё петь готов,
    Хоть нет уж слов!
Ты роза, всем всегда идешь.

Поешь ты соловья нежней,
Сунбула плоть твоя нежней.
Ты, нам вино лия, нежней,
    Чем наш букет,
    Рехана цвет,
Ты розы, яр моя, нежней.

Ты роза в холодке ветвей,
Ты не увянешь от лучей,
Ты царь, приветней всех царей.
    Приветом глаз
    Ответь — не раз,
Не в месяц раз, — по счету дней!

День каждый возрастаешь ты,
Всё больше страсти знаешь ты,
Нить горя распускаешь ты.

Ты врач, — так вот:
Взгляни, где жжет.
Мой разум изгоняешь ты.

Я поражен, я пьян, мой свет.
Я вижу тонкий стан, мой свет.
Меня страшит обман, мой свет, —
Ну что ж, губи, напасть моя!

Я не люблю неверной яр.
Ты — лал цены безмерной, яр.
Ты в клятве будь примерной, яр.
На клятве стой —
Пусть жизнь ценой.
Исчезнет сон мой скверный, яр.

Мне страх и плач, напасть моя!
Иных надежд не знаю я, --
Лужок зеленый — грудь твоя.
Скажу: лужок,
Я стал далек, —
На сердце клятву затая.

Для верных лишь наградам быть.
Как день один не рядом быть?
Пора в узде усладам быть.
Узду навлечь,
А сердце сжечь,
И вечно юным кладом быть.

Ты — клад любви, желаний пир,
Бесценной ценности кумир.
Ты — лал и славный джаваир.
    Воспеть спешу,
    Пока дышу, —
Затем, что мимолетен мир.

Коль ты честна, оставь меня.
Зовешь ты братом въявь меня.
Согласен я, — расплавь меня,
Раз молишь ты, напасть моя.

Вот я пришел с мольбой, джанум.
День — пополам с тобой, джанум.
Вот в страсти я какой, джанум.
    Джанум, о джан,
    Краса всех стран,
Мир, знание, опыт мой, джанум!

Учись, пытайся, познавай!
Хлеб-солью не пренебрегай.
Лишь верно клятву соблюдай, —
    Мудра в ней суть,
    Ей верен будь.
Когда умру я, зарыдай.

Вот ты глаза багришь свои,
Ты всем цветы даришь свои,
Рекой ты слезы мчишь свои.
    Ты — ток реки,
    Полна тоски, —
Решенья, шах, твори ж свои!

Зарубит шаха ятаган,
И перевязки нет для ран.
Боюсь, умолкнешь завтра, джан.
Мне быть в слезах,
В слезах, мой шах, —
Баритавур мне в скорби дан.

Ты песней стал, Саят-Нова,
Ты раной стал, Саят-Нова,
Ты садом стал, Саят-Нова.
Ковром царей, — напасть моя!

* * *

Ты — узоры парчи, ты как золото ткани, о джан!
Каламкар ты, что с Инда везли в караване,

Вожделенный алмаз, чьи бесчисленны грани, о джан!

Многоводных глубин жемчужовые дани, о джан!

Выйдешь в сад, — и волну вижу в плавности шага, о джан!

Скрой ты родинки щек, да не тронет их влага, о джан!

Удивляются все лику, полному блага, о джан!

Ты — украсивший мир новый плод в гюлистане, о джан!

Милосердною будь, пребывая со мною в ладу.

Джан милей не найду, пусть я многие земли пройду.

Ни в индийских краях, ни на прангских коврах не найду.

Ты иной соткана для людских любований, о джан!

Славословий моих только слон мог бы книгу
нести.

Мысли горькие ты от себя отгони, не грусти.
Тонок стан твой, как нить, что могли бы сквозь
жемчуг вести.

В зной грустим о тебе, как о темном платане,
о джан!

От тебя я уйду, лишь когда минет срок моих
дней.

Осени, как умру, ты меня покрывалом кудрей.
На Саят-Нову, джан, ты сложи груз печали своей.
Ты не схожа ни с кем, ты одна меж созданий,
о джан!

* * *

Я — на чужбине соловей, а клетка золотая — ты!
Пройдешь, как по ковру царей, лицо мне
попирая, ты!
Твои ланиты — роз алей, как образ дивный рая —
ты!
Как шаха, я тебя молю; молчишь, не отвечая, ты!

О милая! вошла ты в сад и взорами цветы палишь:
Твои глаза огонь струят, ты силой красоты
палишь,
А я своим мученьям рад: сгораю я, а ты палишь...
Никто так стройно не ступал, как ходишь, всех
сжигая, ты!

Причти меня к своим рабам! что я твой раб,
не скрою я!
Поставь меня к своим вратам: страдать в темнице
стою я!
Я жив иль мертв, не знаю сам, но болен лишь
тобою я!
Как море, как Араз, мечусь: причина —
дорогая, ты!

* * *

Откуда ты? (я соловью).
Не плачь! не плачь! я слезы лью,
Ты розу ждешь, я — милую. . .
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Пой, соловей, песнь соловья!
Счастливой будь тропа твоя!
Тебе — цветок, мне — милая. . .
Но ты не плачь! я слезы лью.

В душе моей — тоска по ней.
Как острый шип в груди твоей.
Цветок иль яр? что сладостней?
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Как кипарис, один стою.
Пой, соловей! и я пою.
Ты розу ждешь, я — милую. . .
Но ты не плачь! я слезы лью.

Певец! мила мне песнь твоя!
Пылаем мы, и ты и я. . .
Саят сказал: «О милая!
Не плачь! не плачь! я слезы лью».

* * *

С бесценным камнем джаваир своей красою
Ты всех в Меджнунов обратишь, сама с Лейлою
сходна ты.
сходна ты.

Моя на целом свете ты,
Нет у жестокой доброты.
Набатом губы залиты.
Как сахар, вся собою ты.

Тут нужен мастер, нужен саз,
Чтобы воспеть зубов алмаз,
Твой цвет лица — пранги атлас,
И вся с парчою сходна ты.

Рехана волос твой нежней.
Ты о другом вздыхать не смей.
О, не терзай души моей, —
Иль с девой злою сходна ты?

Беда для горькой голсы.
Струится кровь из глаз, увь!
Увь, судьба Саят-Новы,
Теперь с рабою сходна ты.

Знай: другой не воспою, ты доколь жива!
Выслушай, матах тебе: искренни слова!
Хлеб и соль не забывай, волю божества!
От любви к тебе — в тюрьме я, Саят-Нова!
Я теряю разум, я — вовсе пропаду!

* * *

Так жить хочу, чтоб каждым днем обязан был
я лишь себе.
Чтоб сотней бед, входящих в дом, обязан был
я лишь себе.
Чтоб всем сказать: своим добром обязан был
я лишь себе.
Бегу от зла, познав, что злом обязан был
я лишь себе.
Я скромным стал; своим стыдом обязан был
я лишь себе.

Из дальних стран — безумец я! — для всех свой
клад сюда принес.
Рубинов рой — пусть ювелир свой косит взгляд —
сюда принес.
Товар индийский, что милей нам всех услад,
сюда принес.
С каких станков, каких шелков, какой наряд
сюда принес!
Торгую сам, в труде своем обязан был я лишь
себе.

Один мой тюк из прангских стран; атлас горит
в нем, как пожар.
Другой мой воз, — бесценный в нем, как бы
пергамент, каламкар.
Еще мой воз, — да весь Китай куплю за этот
я товар!
Тут — блеск парчи, халаты там. Для женских
плеч всё это дар.
Я всё скроил, и вот во всем обязан был я лишь
себе.

Индиго — здесь, а пурпур — там; сюда глядите —
тут шафран.
Корицы воз, гвоздики воз, — добыча всё далеких
стран.
Не мог стянуть края тюков: чрезмерный груз
тюкам был дан.
Со дна морей камня есть, — их мой привез вам
караван.
Жемчужин набранных зерном обязан был я лишь
себе.

Прослыша то, промолвит люд: «Саят-Нова-то
наш — богач».
Забыв, что мне милей лады, что мне не надо
к ним придач,
Что песен звук ценней всего, что мне ценней
он всех удач,
Что держит смерть затылок мой, об этом лишь
мой горький плач.
Спаси, чтоб, песней теша яр, обязан был я лишь
себе!

* * *

Ты — как сирена, что губит плывущих.
Мне на погибель дана дорогая.
К северу, к югу, к востоку, к закату
Так ни одна не стройна, дорогая.

Дьяволу служит тобою плененный.
Будь хоть однажды ко мне благосклонной.
Пусть веселят нас за чашей бессонной
Бубен, сантур и зурна, дорогая.

Сердцем сказать мои беды я жажду,
Плачем излить мои бреды я жажду,
Вечной с тобою беседы я жажду,
Шуток, хмельнее вина, дорогая.

Скромен твой облик, и речи приятны,
В пальцах твоих сусамбар ароматный.
Жизнь отдаю тебе в дар безвозвратный,
Будь мне навеки верна, дорогая.

Скажет Саят: «Я не ведаю страха.
Хан, ради милой отраднa и плаха,
Лишь бы на прах мой могильного праха
Бросила горстью она, дорогая».

Страсть — огонь горящий, — приходя, пылает!
Знак призывный — скажут — яру дан: иду.
Боли той не знавший, пусть не испытает,
Полюбив, не скажет снова: «Джан, иду».

Многим от рожденья въелась в сердце рана:
Редких не любивших поздно или рано
Страсть страдать понудит — силой, невозбранна:
Извелся, истаял, — где там: «Джан, иду»!

Тысячу обличий страсть принять умеет,
Ум, живые мысли усыплять умеет,
Чуть поймала, когти показать умеет;
Так — то отступаю, то, как пьян, иду.

Если ты о страсти прихотливой спросишь:
«Ростом-Зал достался ль ей поживой?» —
спросишь,
Или, как живется яр игривой, спросишь, —
Скажет: «Как султан я и как хан иду».

У Саят-Новы ли сил взяла ты мало?
Кто ж, неблагодарна, верности не знала
И меня не любит, — к той любовь пропала:
К любящей — любовью осиян, приду.

* * *

Отраден голос твой, и речь приятна.
Бог — светоч твой в земном просторе, прелесть.
Ты станом — лань, ты — белый сахар цветом,
Ты — золото в цветном узоре, прелесть.

Скажу — ты шелк, но ткань года погубят;
Скажу — ты тополь, — тополь люди срубят;
Скажу — ты лань, — про лань все песни трѹбят.
Как петь? Слова со мной в раздоре, прелесть.

Скажу — цветок, — гора взрастила, скажут;
Скажу — алмаз, — земная жила, скажут;
Скажу — луна, — ночей светило, скажут.
Ты солнца свет таишь во взоре, прелесть.

Мой храм молитв — твои дверные плиты.
Твои глаза — как розы цвет раскрытый,
Язык — звучней пера, как снег — ланиты,
Ты дивный перл, возникший в море, прелесть.

Зерно любви ты в сердце мне вложила;
Томясь тобой, душа во мне изныла;
Ты своего Саят-Нову убила.
Не ведай слез, пусть мне всё горе, прелесть.

* * *

Мне люди скажут: я по красе томлюсь.
Меджнун с Лейлой отрадней жизнь вели.
Тебе всечасно люди глядят в уста.
Всегда, как притчи, речи твои текли.

Язык твой — сахар или медовый сот.
Твой волос — нить рехана, что к розе льнет.
Побудь со мной, как день Цахказард придет,
Парчой золото-алой мне взор спали!

О, как-нибудь сгубите меня, прошу!
Вот я — мишень, пронзите меня, прошу!
Камнями поразите меня, прошу!
Забыл, тебе внимая, как дни прошли.

Я сам себя такую тоской убью,
Из глаз я слезы с кровью всечасно лью,
За днями дни питаю тоску свою,
Как соловей над розой, томясь вдали.

Безумен я. Колдуньи надменной нет.
Той, что не может быть неизменной, нет.
Саят-Нова сказал: драгоценной нет.
Я, проливая слезы, бреду в пыли.

* * *

Что без тебя сойбат мне и что мне саз?
Гремки из рук роняю — раз, два, — подряд.
Смутила так ты мысли мои, мой ум,
Что все забуду песен слова подряд.

Бинтом одним ли помощь двум ранам дам?
Один слуга годится ль двум господам?
Один садовник в пользу ли двум садам?
Ведь ждут прививки все дерева подряд.

Старинных мастеров изречение вот:
«Насеял роз — а их недостойный рвет».
Тружусь, а всё веселье — чужим пойдет.
Увы, рахипу — дни торжества подряд.

Что без тебя мне счастье, земной удел?
Не знать коварства, подлых не ведать дел.
Надел я власяницу, я шерсть надел,
Пойду в места святые сперва подряд.

Быть может, добрый кто-нибудь даст совет,
Меня от страсти освободит, мой свет.
И у семи мудрецов слов лучших нет,
Чем у тебя здесь, Саят-Нова, — подряд.

* * *

Я в жизни вдоха не издам, доколе джан
ты для меня!
Наполненный живой водой золотой пинджан
ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень, в пустыне — стан
ты для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан
ты для меня!

Ты вся — чинарный кипарис; твое лицо — пранги-
атлас;
Язык твой — сахар, мед — уста, а зубы — жемчуг
и алмаз;
Твой взор — эмалевый сосуд, где жемчуг, изумруд,
топаз.
Ты — бриллиант! бесценный лал индийских стран
ты для меня!

Как мне печаль перенести? иль сердце стало
как утес?
Ах! я рассудок потерял! в кровь обратились
токи слез!

Ты — новый сад, и в том саду, за тыном
из роскошных роз,
Позволь мне над тобой порхать: краса полян
ты для меня!

Любовью опьянен, не сплю, но сердце спит,
тобой полно:
Всем миром пусть пресыщен мир, но алчет
лишь тебя оно!
С чем, милая, сравню тебя? — Всё, всё исчерпано
давно.
Конь-Раш из огненных зыбей, степная лань
ты для меня!

Поговори со мной хоть миг, будь — милая
Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты солнцу — щит
среди синевы!
Ты — лилия долин, и ты — цветок багряный
среди травы:
Гвоздика, роза, сусамбар и майоран ты для меня!

* * *

Я ждал, я пролил столько слез, —
Я в добрый час увидел яр!
Меня встречаешь, роза роз,
                  Шипами,
                  Шипами, —
Я в добрый час увидел яр!

Приди, пойми печаль мою:
Мученья смертные таю,
Горю любовью, слезы лью
                  Ночами,
                  Ночами, —
Я в добрый час увидел яр!

Наденешь пурпурный атлас,
Погубишь мир, отрада глаз.
Тебе к лицу — рубин, алмаз —
                  Рядами,
                  Рядами, —
Я в добрый час увидел яр!

У саза нет иных забот,
Твои шамамы он поет.

В саду ты водишь хоровод
С друзьями,
С друзьями, —
Я в добрый час увидел яр!

Саят-Нова забыл покой:
Твои глаза — пинджан золотой.
Да не глумится недруг злой
Над нами,
Над нами, —
Я в добрый час увидел яр!

* * *

Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
На весах пусть блещут лалов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым
другом!

Пусть я стану горсткой праха,
Яду я приму без страха,
Пусть придет указ от шаха, —
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым
другом.

Пусть сверкают дивных лалов горсти, горсти,
Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым
другом.

* * *

Не убивай, не утолив! Намек твой был иной,
Коль я другую полюблю, я человек пустой, краса.

На свете мне одна ты джан,
Лишь ты мне шах, султан и хан.
Взгляни хоть раз, избавь от ран,
Лишь взором удостой, краса.

Паломник, но без знака, я,
Царь, без венца однако, я,
На свет гляжу из мрака я, —
Ты будь мне госпожой, краса.

В меня глубоко жар вошел.
Кремень в руке твоей тяжел.
Другую в мире кто б нашел,
Сравнимую с тобой, краса?

Саят-Нова пропал один,
Неколкой розой стал, один.
Скажи: «Ты сердце взял один!» —
Обет исполнишь свой, краса

* * *

Нахмуря взор, насупя бровь, глядишь, — твой
врач стал пнем точь-в-точь,
Скажи: что сделал я тебе? Но молвишь —
вспыхнешь злом точь-в-точь.
Кто косо взглянет на тебя, стань сердце камень
в нем точь-в-точь.
О, смилуйся или убей, расправься, как с рабом
точь-в-точь.

Рабов не держишь у дверей, царь, слуг разящий,
не тая, —
Прими как притчу речь мою, — Венера, мглу
разящая;
Ты алой розой расцвела в саду, разящей соловья.
Руби, пока твой рубит меч, — он схожий
с сардаром точь-в-точь.

Яр, ты на путь меня наставь, чтоб твердым
стать я мог душой.
И день и ночь всё плачу я, глаза — как с гор
поток весной.

*

Пусть пред тобой лежу и бьюсь, как пришлый
о порог чужой.
Плох, — как Фархаду и Ширин, мне смерть —
пещерный лом точь-в-точь.

Весна дохнет — раскрыт цветок, и розы алой нет
алей;
Садовнику что пользы в том, как нежно плачет
соловей?
А с губ твоих стекает мед, промокнет ворот, —
пожалей:
Сладкоречива ты своим, как сахар, языком
точь-в-точь.

По слову виден человек, будь визир шаха пред
тобой;
Не станет годным негодяй, будь он векил, назир
судьбой;
Ты устоишь, твой ум везде останется самим собой;
Саят-Нова, вещай свое ты — лучника копьем
точь-в-точь.

* * *

Ушел Фархад, Ширин, твой взгляд навек тоской
опален!
Как выйду в сад? Шипы грозят, я розой злой
опален.
Бюльбюль поет: взгляните вот, я камнем в зной
опален.
Я столько месяцев молчу, одной весной опален.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

У падишаха нет в казне даров, достойных тебя,
Не ткали ни в одной стране платков, достойных
тебя.
Рубинов жар на белизне перстов, достойных тебя.
Ты носишь платье из шелков, цветов достойных
тебя.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой
опален.

Ты сахар в середине сот, уста так чисты твои,
Ты середины марта знак, так хрупки черты твои,

Рехан волос укрыл от рос убор и цветы твои,
Чтоб в середине алых роз хранились мечты твои.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой
опален.

Не потому ль Саят-Нова владелец всех горьких
слез

Тесьмою золотой обвит рехан дорогих волос,
И золотое, к пояску, шитье хорошо пришлось.

. . . . .

Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчой опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

* * *

Роза шлет весть соловью: мол, расцвела, —
ожидает,
Чтоб над ветвями порхал, их подняла, — ожидает,
Чтобы звенели весны колокола, ожидает.
А соловей: нет, меня мак, у села, ожидает.

Молвила роза в слезах: «Маку вверяться не надо,
Помни, скиталец, тропу в гущу знакомого сада».
Пусть в забвении был Ростом — недругов тщетна
засада,
Он победитель, его в мире хвала ожидает.

Сетует роза: «Тебя я прокляну, вероломный,
Минул апрель, минул май, розы не видишь ты
скромной»;
Это всё козни судьбы, старой карги неумной.
Умер Фархад, и Ширин смертная мгла ожидает.

Истари всё ж соловьи розу зовут своей милой,
Равную ж розе, молю, боже, спаси и помилуй,
Преданный Саят-Нова ждать будет и за могилой,
Так, как могила слуги шаха ждала, ожидает.

* * *

О царь, люби закон и суд, не будь жесток, коль
жизнь мила,
Виновен я — повелевай, швырни в поток, коль
жизнь мила,
Но не губи, не истребляй надежд исток, коль
жизнь мила,
Уедешь ли — бери с собой на юг, восток, коль
жизнь мила.

Ютится роза близ воды, прохладой веет сад
для ней,
Зеленый лист и алый цвет — созвучный песне лад
для ней,
И все цветы ковром царей вокруг стелются, горят
для ней,
От глаз ворон убереги, о дуб, цветок, коль жизнь
мила.

Не быть вороне соловьем — я в этом заверенье дам,
Средь всех красивейших цветков, лишь розе
предпочтенье дам,

* * *

Серебрится серебром,
Золотом она горит,
Огненна моя любовь —
Так влюбленный говорит.

Поцелую нежно яр,
Поцелую честно я.
Если косо посмотрю,
Пусть тогда ослепну я.

Помни, знай мои слова,
Будь любимому верна.
Говоришь ты мне: терпи, —
Иссушила, испекла.

Гость любим, ему почет,
Гостю издавна дано
Много-много разных блюд
И без примеси вино.

В городе сегодня хан,
Сердце скуке не вверяй,
Жалобы неси ему,
Соловью ты доверяй.

Жалуешься соловью
На любимую свою.
Сердце ранила она,
Горе выплакать кому?

Соловью пусть — соловей,
А любви — любовь дана.
Кто безумен от любви,
Милая тому нужна.

Волосы твои — ковыль,
Язычок твой — соловей,
А Саят — всегда в слезах,
Нет его судьбины злей.

* * *

Яр, тебе подходит алая тафта,
Обвяжися лентой красно-золотой,
Ножницы злачены в руки ты возьми,
Подровняй нависший локон над щекой.

Ты в саду на радость розой расцвела,
Соловью та роза сердце обожгла.
Над глазами брови — словно два крыла,
Стрел-ресниц лучится вытянутый строй.

Благовоньем сладким мир вокруг залит,
Шелк волос струится, пламенем горит,
Пальцы-свечи длинные, бел локтей самшит,
Ты — камыш и тополь статной красотой.

Нет в тебе души, знать, к лиху ты ведешь,
Жар моих страданий лаской не уймешь,
Не приветишь словом, равным не сочтешь,
Знаю, ты — царица, странник я простой.

На плечах ковыль колышется, зовет...
Та любовь. боюсь, что сердце рассечет,
Я умру — к тебе такой уж не придет,
Я — Саят-Нова твой, брошенный судьбой.

II

* * *

Кто море звездным сожжет сияньем?
Кто б мог исчерпать Куру горстями?
Как может ветер скалу обрушить,
Хотя бы дул он, ревел годами?

Хоть блещут стенки и медной чаши,
Всё ж золотая для взора краше,
К камням, не к стеклам, пристрастие наше,
Хоть в перстне схоже стекло с камнями.

Пусть мир наш черта влеком указкой,
Всё ж черт на бога глядит с опаской.
И тыкве чашей не стать ширазской,
Хоть вознесешь ты ее над нами.

Кем речь от рыбы была добыта?
Не красят хною ослов копыта.
Когда не ватой — песком набита
Постель, — не спится и под шелками.

Кто я, знать хочешь, мне докучая?
На наши песни взял все права я.
Я — Арутин, Саят-Нова я!
Пою, — и песни гремят громами.

1751

* * *

То, что бархат я, что шелк я, что парча, — ты
разве знаешь?
Что как легкий вегер к розе льну, журча, — ты
разве знаешь?
Что тебе пою, на сазе всё бренча, — ты разве
знаешь?
Что с тобой обручены мы, два луча, — ты разве
знаешь?
Обо всем, о чем бренчу я, бормоча, — ты разве
знаешь?

Как всю землю обошел я, ты, краса, послушай
ныне.
Без Лейли, с Меджнуном схожий, всюду был я как
в пустыче.
Соловьем искал я розу, — но и в найденной долине
Не увидев к ней дороги, — я в отчаянья пучине
Покажись! что жжешь мне крылья, как свеча, — ты
разве знаешь?

Прозвучали мои струны и печали над Ираном.
Песни люду и владыкам я певал по разным
странам.

Что ж мне делать? обречь ли это сердце новым
ранам?
Сын один я у родимой, — бьешь меня ты в гнев
рьяном.
То, что сахар ты метнула в глубь ключа, — ты
разве знаешь?

Дышит осень; не умчаться ль мне за птичьей стаей
тоже?
А покада расцветешь ты. Иль ко мне ты станешь
строже?
По тебе тоски не зная, жил бы долго я, — ну
что же,
Я приду к тебе сегодня в поздний час, но всё ж —
о боже! —
Что гостей своих не гонят сгоряча, — ты разве
знаешь?

Я, Саят-Нова, в печали. У меня ведь лука нету.
И меча, чтоб замолчала вместе с жизнью мука, —
нету.
И груди твоей гранатов, — о горька разлука! —
нету.
Лоб в огне, пылает сердце, слов твоих и звука
нету.
Что в хмелю бреду, чуть ноги волоча, — ты разве
знаешь?

* * *

Ты розы вскормлена соском, — и, как она, красива ты.
Как белый хлеб — ведь так сладка нам белизна — красива ты.
Огнем, что золото кует, сотворена, красива ты.
Как шамаханских чаш хрусталь, в миру одна красива ты.

Покинь свой дом, султан мой, хан, — пойдя, сверкая свитою.
Ты здесь — нарцис, в горах пойдешь, вся с лилиями слитою.
Ты схожа с нитью золотой, зерном жемчужным скрытою.
Серьгою сказочной Тадмар озарена — красива ты,

Тебя лишь только вижу тут, — а где-то там — вселенная.
Как роза грудь твоя, в устах — бюльбюля песня пленная.
Я видел ангела во сне, — и дума неизменная:
Как эти гурии небес, как их страна, красива ты!

Ты кардамон неведомый, мускат, гвоздика новая.
Ценна ты, ткань атласная, прекрасная, парчовая.
Ты — ларчик мой сандаловый, и как... — найду ли
слово я! —
Его резьба, что жемчугом окаймлена, красива ты!

Спроси ж, о чем Саят-Нова рыдал, платок свой
тиская.
Плыви ко мне! Что в море ты стоишь, ладья
английская?
Ты днем что солнце гордое, ты в ночь звезда
не близкая.
Пятнадцати дней от роду, моя луна, красива ты!

* * *

О, приди, я твой, не гляди сурово, —
Неужели я — принят за чужого?
Снова солгала, обманула снова:
Я пришел, а ты не сняла засова, —
Задремала, мол, не слыхала зова...

Звонкая струна, розы изваянье,
Лучших мастеров лучшее создание, —
Если ты придешь ночью на свиданье,
«Не засни, — скажу, — выслушай признание!» —
Каждое твое насмерть ранит слово.

Брови ты сурмишь перышком червонным,
Пряжки в дар тебе шлет Гилян с поклоном,
От волос твоих веет кардамоном.
Как ты можешь спать на беду влюбленным?
Милая, не знай сновиденья злого!

Люди говорят — я кармин бесценный,
Скрытый на груди дар любви нетленный;
Нестерпим твой взор — солнце всей вселенной.
Ты — мой свет, а я — отблеск твой мгновенный,
Мерзну я, ищу — твоего покрова.

Резвое дитя, ты сулишь мне горе.
Как тебя догнать? Ты — кораблик в море.
Опий ты, гашиш, марево во взоре!
Ты Саят-Нову побеждаешь в споре.
Ты — краса. Я — раб. Ты прийти — готова?

* * *

Милая, давным-давно в сердце мне запала ты, —
Серебра да золота сплавом засверкала ты, —
Улыбнулась: в два ряда — жемчуг показала ты.
Солнце мое светлое, искрометней лала ты!
Тень свою на землю всю, стройная, бросала ты.

Покажи мне — яр ли ты? — лик свой на мгновение!
Ветерок измирский ты, вешнее цветение,
Ткань венецианская — мастеров терпение,
Ты в парчу закутана, золотою стала ты.

На тебя гляжу с тоской, плачу всем на диво я, —
Нам бы побеседовать, ты — красноречивая.
Что мне лань и что джейран? Ты резвей,
игривая, —
В степь таких стрелков, как я, увлекла немало ты.

Яр неверной не любить — я клянусь, красавица.
На тебе любой наряд всем на свете нравится.
Красоты прекрасней ты Как мне с клятвой
справиться?
Сохнет горло, если мне образ твой представится.
Скорбь Саят-Новы с собой в дальний путь умчала
ты.

В саду возлюбленной канул мой разум.
Придя, увидел я дверь на запоре.
Стою, безмолвствую. Разум в тумане.
Лишь тополь сладостный мреет во взоре.

Сказал: убей меня! Это — на благо!
Не мучь: ведь песнь моя спета — на благо.
Веселье, радости, лето — на благо,
Свое отдай ты навеки мне горе!

Приди! Дай руку мне снова и снова!
Рубин ты! Жемчуг ты царства морского!
Постой! Помедли! Промолви хоть слово!
Ты — лань! Ты носишься вскачь на просторе!

Царил султаном я — дани утратил.
Купцом скитался я — ткани утратил.
Тебя, блеск утренней рани, — утратил.
Найти сумею ли скрытое в море?

Дивишь меня ты изменой немало.
Клинка Ростема я чувствую жало.
Оплачь сраженного: лег я устало.
Глаза к стопам твоим тянутся в горе.

Пленяет облик твой, солнцем пылая,
Отринь всех прочих ты! Гибну, сгорая!
Преданной речи сердцем желая,
С Саят-Новой ты пребудь в разговоре.

* * *

Говорю с тобой затем я,
Что твой стан я ныне видел.
Светлоликую на ложе
Я, томясь в кручине, видел.

Опишу ль свое мученье!
Погляди хоть на мгновенье!
Я твой дом — благодаренье
Божьей благостыне! — видел.

Ты — огонь! огня ты строже,
Но сжигать меня за что же?
Поутру тебя я схожей
С солнцем в небе синем видел.

Коль нам нет разлуки боле,
Поиграем в «голи-голи».
Вскроем розу. Я на воле
Лилию в долине видел.

Пал Саят-Нова в поклоне,
Ты ж — луна на небосклоне.
«Сани» я зовусь и «тони».
Перед «ани» «вини» видел.

* * *

Я — твой раб, — тебе прислужник никакой
не нужен.
Кто как я тебя полюбит? нет, — другой не нужен.

Трон индийский ты, покров ты дорогого сорта.
Счастлив спутник твой: как амброй грудь твоя
натерга.
Над тобой должна быть кровля в золоте простерта!
Ты зорка. К тебе подход ведь воровской не нужен.

Ты — фиалка, горный снег в выси поднебесной.
Ты — самшит, твои ресницы лес тенистый, тесный.
Весь июль бюльбюль бюльбюлит песни над
прелестной.
Роза ты, тебе для дружбы червь немой не нужен.

Будем вместе мы на свете годы, не недели.
Мы груди твоей жасмины меж собой разделим.
Быть вдвоем! Об этом только мыслю я уделе!
Верь Саят-Нове: нам свиты шумный рой не нужен.

* * *

Ты — источник песен, ты подобна сазам.
Ты — в тебя влюбленных убиваешь разом.
Кипарис! А кудри уподоблю вязам.
Море ты, украшен мир твоим указом.
Замкнутый ларец ты с пламенным алмазом.

Ты — краса ловитвы, раш ты и джейран ты,
Ты коралл и лал ты, луч небесных стран ты,
Ты шандал хрустальный, вместо свеч нам дан ты.
В длани держишь меч ты, как Ираклий хан ты,
Окруженный свитой, пляской, песней, сказом.

Светишь ты над миром, солнце и луна ты.
Лишь бы не зашла ты, в мире ведь одна ты.
Кипарис тенистый — к благу нам дана ты.
Ты — луга, и лес ты, — в нем и мир пернатый,
В нем и дичь, — и лес тот не окинуть глазом.

Ты — весна. фиалка, золотой поток ты,
Из цветов расцветших благовонный сноп ты!
... Ты ж, Саят-Нова мой, преданный холоп ты,
Соловей-скиталец, верен ей по гроб ты,
Трелишь по утрам ты, свой утратив разум.

* * *

Твоего бы дождаться прихода,
Чтоб луной ты сошла с небосвода,
Чтоб стрижом ты мелькнула у входа!
Только тайно скользни у прохода,
От спящего кроясь народа.

Над тобой мне подняться бы солнцем!
Никнуть вязом к окон твоих створцам!
Хоть и сломишь ты ветвь под оконцем,
Всё ж твоим я бы стал однодворцем,
Рядом жил бы с тобой, год из года.

Из-за глаз твоих горестен каждый.
Я ль виной, что сказала мне: «страждуй»!
Не кори, что томлюсь я от жажды.
Не цвести красоте твоей дважды,
Хоть она и надзвездного рода.

Златоткань моих песен, без речи,
На свои ты б накинула плечи!
Если ж род мой от гордой далече, —
Словно раб я повергнусь при встрече,
Чтоб растоптан был милой в угоду.

* * *

Как звезды ночных небес переливы ты,
Как цветка рубинный блеск в ширях нивы ты.
Цвет фиалок, что покрыл гор обрывы, ты.
Гусли ты, восторг, смычок прихотливый ты.
Колдовской джейран, морской конь игривый ты.

Иль с тобой не шли одной мы дорогою?
Что же брошена стрела дланью строгою?
Красота была большим всем помогу.
Под индийскою луной элаторогою,
Кистью писана золотой, всем на диво ты.

Без тебя. скажи, кому жизнь приглянется?
Грешен чем? За что тобой сердце ранится?
Вкруг меня твоя краса цепью тянется.
Где же ты, не вижу я, всё туманится.
Ах, в шкатулке золотой и в ревнивой ты!

Ты как тур: тебе сродни все предгория.
Ты как туча слезы льешь, вижу в горе я.
Как джейран, ты все живишь плоскогория.
Смену дум твоих постичь нет подспория.
Всем глядящим — горький вздох, слез разливы —
ты.

Сам индийский царь тебе шлет послания.
С нами ж все твои творят приказанья.
Стража в золоте стоит возле здания,
На подносах жемчуга льют сиянья, —
Не твои они, Саят, несчастливый ты!

* * *

Слова «нет» не скажут милым. Кто предаст их
лютым карам?
Тщетно к яр я устремлялся; думал: мчусь я к ней
не даром.
В Индостан тебе в усладу, я послал
за каламкаром.
Раздобыв парчи индийской, — ублажу тебя товаром.

Я ишу тебе застежки, — все витые, не простые
Тонкой кистью начертали твои пальчики литые.
Встань! Пляши! Послушай, — струны заурчали
золотые.
В серебре чеканный пояс на тебе сверкнет пожаром.

Стан, сородич кипарисам, — нет! он — стеблик
тростниковый.
Лик твой — солнце, лик твой — месяц, светлый лик
твой — светоч новый.
Словно ангел к нам явился, к смертным снизойти
готовый.
Что цари! Твое сиянье их неведомо тиарам.

*

Я пришел к тебе под утро, не прийти не стало
мочи.

Вся нырнув под одеяло, не насытила мне очи,
И Саят-Нова несчастный всё не спит, не спит все
ночи.

Так не спят ночами звезды, подчиняясь лунным
чарам.

* * *

Услышать твой игривый зов всегда желал — приходи,
узрю!
Ты — яхонт, иль рубин, алмаз — какой кристалл? —
приди, узрю.
По-прежнему влюбленным быть не перестал. приходи,
узрю,
. . . . .
Я — соловей, ищу свой куст, изгоем стал, приходи,
узрю.

Обид на друга не гаи, возликовать спеши, приходи,
Из всех дорог ковер царей тебе под стать, спеши,
приди,
Чтоб не заметили, тайком, в чадре, как тать, спеши,
приди,
Хочу прочесть тебе стихи, ты им внимать спеши,
приди,
Ты — дочь земли, иль неба — дочь, степной марал,
приди, узрю.

Тебя могу приметить вмиг, твоей красой я покорен,
Ты как чинар, золотых волос густой волной
я покорен,

Лебязьей шейки крутизной и белизной я покорен,
Горит на платье изумруд, навек тобой я покорен,
Ты — жемчугов живая нить, небесный лал, приходи,
узрю.

Со мной рассталась ты легко, — такой удар, скажи,
к чему?
Кого ласкаешь ты теперь? Притворный жар, скажи,
к чему?
Тебя я вижу сквозь забор, — скупой твой дар,
скажи, к чему?
Ты серьги спрятала в кiset — он прост и стар, —
скажи, к чему?
Что в дорогом твоём узле? Любви бокал, приходи.
узрю.

Уже настали дни весны, теперь гулять нам в самый
раз,
Раскрылись розы по садам, траву помять нам
в самый раз,
Туты, черешни срок поспел, плоды вкушать нам
в самый раз,
Всё гуще тени от дерев, в тени лежать нам
в самый раз,
Саят-Нова прохлады ждет, он ждать устал, приходи,
узрю.

* * *

Я был сыт, не для пирушки, полной гама, я пришел.
Для беседы с самой нежной, с милой самой я
пришел.

Чтоб остаться до рассвета здесь, упрямо я пришел.
Для чего ж еще... не помню, молвить прямо, —
я пришел.

Ты что царская корона, голова моя что прах.
Ты в одежде драгоценной, ты в атласе, ты
в шелках.

Лик твой — зеркало в оправе. Мне ль мечтать
о зеркалах?

Чтоб узнать, что может стоять только рама,
я пришел.

Дорога ты, златоткань ты, шелк ты, бархатный
товар.

Ты — клинок из Хорасана, ты — индийский
каламкар.

Я купец страны далекой, как марандский ты базар.
За холстом иль для другого, видно, хлама я
пришел.

Одари меня, о жемчуг, — свой отдам тебе язык.
Дай мне вексель на веселье, — жизнь мою получишь
вмиг.
Иль убей, иль дай увидеть, что мой день опять
возник;
Жить, иль чтоб меня могилы скрыла яма, —
я пришел.

Пусть же в мире неустанно прославляют стройный
стан.
Не найдет тебе подобной Индостан и Франкистан
Над Саят-Новой, беднягой, плачут все: тобой он
пьян.
Бросив дом, из-за Алеппо, из-за Шама я пришел.

* * *

Миру твой царственный облик на диво,
Он предстает мне, луну затмевая,
Как на груди твоей белой красива
С древним распятием цепь золотая.

Кто не видал тебя, мучится каждый,
Каждый, увидев, погибнет от жажды,
Если б, отвергнут, я умер однажды —
Горы бы плакали, мне сострада.

В сердце несу твои тайные муки;
Бьюсь головой о преграды разлуки;
Я не изменник, не требуй поруки, —
Иль не со мной моя честь родовая?

Милая, нами весь мир недоволен:
Бедный Саят-Нова яр подневолен;
Горло мое пересохло, я болен,
Я из-за яр умираю, рыдая.

* * *

Прок ли в том, что злой печали ты не знаешь!
Дней, что были, что настали, ты не знаешь!
Что мне беды горло сжали, ты не знаешь?
Что мне слезы мир застлали, ты не знаешь!
О Саят-Нова едва ли ты не знаешь!

Одарил нас бог обоих жизнью, светом.
Речь твоя! Должна бы течь она шербетом!
Для врага — шипы! подумай-ка об этом!
Знать, порою зиму спутаешь ты с летом.
Пасха ль, будни ли настали, ты не знаешь!

Воробей ли я? Мой голос — соловьиный.
Не ладья я из неведомой чужбины.
Не араб я, я не с черною личиной.
Не томлю тебя я злобною кручиной.
И соседа — ты права ли? — ты не знаешь!

Я горю, тебе задуть огонь мой надо.
Что скрываешься? Зачем со мной не рядом?
Молвлю слово, — и предашься ты усладам.
Нет, Саят-Нова, не раб ты с робким взглядом!
И царя, пред кем все пали, ты не знаешь!

* * *

В саду закричал попугай, услышать соловья я
жаждал.
Я сладко дремал, но тебя, о живая струя, я жаждал.
Я горы прошел, посетить золотые края я жаждал.
«Ах, розу для мук, — пел бюльбюль, своих слез
не тая, — я жаждал».

Изранен я, изнеможен, я прельстился напрасной
далью.
Кто розу сорвал? Как бюльбюль, я смертельной
сражен печалью.
Хваленый ларец золотой с хрустальями ты и
с эмалью.
Зачем же тебя, о ларец, о напасть ты моя,
я жаждал?

Явись же, степной мой джейран, не таись меж
ветвей, — не надо!
Как нежный пергамент твой лик, как мрамор и как
прохлада.
Изделье китайское ты, чья же будет с тобою
улада?
Золотую твою полу ухватить за края я жаждал.

Прочел я посланье твое, ты мое — отклонила
строго.
Взгляни, — я и нищ, и в плену, снизойди же
во имя бога!
Зачем ты забыла меня? Вспоминай меня хоть
немного.
Недуга на ложе твоём одолеть острия я жаждал.

Зеница очей моих — ты, лицемерно не молвлю
слова.
Давным я давно обожжен, что ж меня обжигашь
снова?
Ты — роза, а я соловей. что ж к Саят-Нове ты
сурова?
Чтоб в плен заключила меня нежно клетка твоя,
я жаждал.

Сгниет он, иль моря он будет объят широтою,
Под тяжестью жернова в яму падет с головою.
Опасна, слышал я, колодца дыра, — это правда.

Как на берег выйти? Я брошен в морскую пучину.
Рот кашей сожгла мне, — и дую я на пахтанину.
Горшок я разбитый, и в яме я наполовину.
Как синька, я вылинял, взор на себя я не кину.
Рабом меня чтут Гурген-хана двора, — это правда.

* * *

Иной, расслабленный, в бессильной брани
Того, кто могчен и высок, бракует,
Ножа заржавленного нет в кармане,
А хорасанский он клинок бракует.

Иной же, горестный, не знает крова,
Хоть ночь нагрянула, бредет он снова,
Гортань и желуди забыть готова,
В саду ж черешневый он сок бракует.

Иной направится на лодке в море,
Узрит лягушку там и крикнет: горе!
Тот — слег у рытвины, — помрет он вскоре,
Ростома ж слов его поток — бракует.

Алмазы древние глупцу на что же?
Сыр новосозданный ему дороже,
Кушак — веревочка, да листья — ложе, —
И ткани царственной он прок бракует.

Свинья на дерево залезть не может.
Пусть мрут, чьи печени лишь злоба гложет!
Саят-Нове народ пиры умножит.
Он весел. Злости он порок бракует.

* * *

Кто завидует соседу, — ни крупицы
Беднякам не даст, хоть был бы он богатым.
Пусть он знатен, — коль на всех он в мире
злится,
И отца его все назовут проклятым.

У того, кому змеей пришлось родиться,
Жало злое, не язык во рту зменится.
«Злоба злобных им самим воздаст сторицей», —
В мире сказано моим же. знать, собратом.

Злонамеренный подобен горсти праха,
Не украсит его гордая папаха,
И горбатого верблюда, как ни ахай,
Невозможно сделать стройным, негорбатым.

Скудной глине стать фарфором и не снится.
Ивовою коре вовек не стать корицей. . .
Ах, Саят-Нова тебе ль не покорится,
Коль допустишь ты его к своим палатам!

* * *

Ты что Араксом вспененная Мтквари.
Норов твой яр, я сражен в нашей сваре.
Ты что парча в златотканном пожаре.
Брови узрю, — и горю в этой чаре.
Что ж в моем скромном отыщешь ты даре!

Этот — утешится только лишь пиром,
Этот — вино предпочтет всем порфирам.
Сердце ж мое не желает быть сирым, —
Песней нестись бы, как птица, над миром!
Прочь оса! С розой не быть тебе в паре.

Лик твой явить ли каламом и тушью?
Разум всех встречных предашь ты удушью.
Кто знал предел твоему равнодушью?
Все тебя ждут, — так над морем, над сушиью
Встань ты, как солнце, в полдневном разгаре.

Аист багдадский, — не слышит он зова!
Птица индийская, молви хоть слово!
Злая душа мне и внять не готова!
Как убедить мне разлучника злого. —
Враг он Фархада, нет злобнее твари.

Кознями тешить нас, верно, — услада?
Правых убьешь, а неправым — пощада?
Прочь — соловья? Видно, с розой быть надо?
Сколько печалей, исполненных яда,
В щедром Саят-Нове, в нем, — в сазандаре!

* * *

Твоему суду сердце будет радо,
Ты — пресветлый царь, Грузии услада.
Люди говорят — я, мол, их досада,
Мусор я дрянной, кладезь, полный яда, —
Мол, не обессудь, — высказаться надо.

Неженат живу — где искать привета?
Я — мужик: толкнут — и не ждут ответа;
Вот я целью стал для насмешек света;
Сердце я раскрыл — молвят мне на это:
«Холм бесплодный ты меж грядами сада!»

Я царю предстал в чистом облаченьи,
Саза моего чуя нетерпенье, —
Мне б грузинских слов позабыть значенье! —
Прочь меня прогнал царь в ожесточеньи:
«Грязный войлок ты, поношенье взгляда!»

Сказано: гора встретится с горою.
Боже, будь твоя милость надо мною!
Неужели я и суда не стою?
Лучше бы казнил царскою рукою —
Ты, наставник мой, ты, моя отрада.

Грудь мне сокруши — всё равно я вскоре
Возвращусь к тебе с жалобой во взоре.
Брошусь я в Куру, не в Куру — так в море!
Пой, Саят-Нова, пой, лелея горе!
Горе да беда — вот твоя награда.

В сад весенний дверцу милой открою.
Тополь сладок, розан сладок, сад сладок.
Проживем здесь все мы годы с тобою,
Лик твой сладок, месяц сладок, мир сладок.

Эти чаши, это блюдо — всё наше!
Струны саза, злаков груды — всё наше!
Эй, садовник, прочь отсюда! Всё наше!
Пир наш сладок, взор твой сладок, день сладок.

Нет уж роз тут, уж не мачат, алея.
Соловьиный льется плач, их жалея.
Но в фиалках лиловеет аллея.
Вечер сладок, отсвет сладок, ключ сладок.

Тонкий стан твой в плащ облекся багряный.
Кипарис ты, персик нежный и пряный.
Держишь мир ты ручкой властной и рьяной.
Пламень сладок, трепет сладок, май сладок.

Арутин я. Льется звонко рулада.
Сядь! Ковер хорасанский — услада.
Ай, с ограды не кинули б взгляда!
Саз мой сладок, рот твой сладок... я сладок.

* * *

Взорам смертных словно роза рая ты.
Подношу тебя, как яство ценное.
Тополем стоишь, на нас взирая ты. . .
Нет, не то. . . вино ты сладкопенное.

Не внимать наветам сердце просится, —
Пусть вокруг милой вьется окоlesiца!
Приходи, — ковром под ножки броситься, —
Вот мое стремленье неизменное.

Ах, узрю ль алмаз в золотой оправе я?
Насурмишь ты брови. . . иль не вправе я
Сравнивать с венцом тебя? В отраве я
Страсти — золото ищу нетленное.

Как фазан, я б шел долиной нашею
За тобой, — ты б шла с хрустальной чашею.
Ты славна. Тебя ль стихом украшу я?
Сокол я, ты — птаха. Станешь пленною.

Пламя жжет, всё жжет меня проворное.
Власти нет, прошу тебя покорно я:
От Саят-Новы отставь упорное
Наказание, — и так отменное.

* * *

Злобным быть, как иной, не хочу совсем,
Пышной жизни мирской не хочу совсем,
Мстить вам речью дурной не хочу совсем,
Честь забыть хоть порой — не хочу совсем,
Князем быть, смерд простой, — не хочу совсем.

Отойди, чашей кровь ты мою не лей:
Люди знают, что я поценней камней.
Как обычай велит, я в руке твоей,
Ты в атласах меня да в шелках лелей,
Рясы с черной каймой не хочу совсем.

Чтобы взор твой приветный узрел бы я,
Край одежды твоей сжать хотел бы я.
Если б пасть пред тобою посмел бы я,
Если б в смежный твой сад всё глядел бы я!
Я стены никакой не хочу совсем!

Но твой срок миновал, о Саят-Нова!
Что твой стон: «пропал», о Саят-Нова!
Враг твой заликовал, о Саят-Нова!
Что в печали ты впал, о Саят-Нова!
Хлеб и соль есть с тобой не хочу совсем!

Голова! О горе! Что с тобой стало!
Ты во всех краях народ забавляла,
Где бы ни был я, — ты в прахе лежала,
Не нужна теперь ты людям нисколько.
Не вини, кручина, многих ты в этом;
Намудрил, — причина только лишь в этом.

Уже славен был я в мире просторном,
Как алмаз в затворе златоузорном,
Что ж со мной? Что день мой сделался черным?
Иль мой лоб стал — камнем, ум непроторным?
Не вини, кручина, многих ты в этом;
Намудрил, — причина только лишь в этом.

Уже не рис — ячмень я. Вижу со страхом:
Стал дроздом, взлетал же голубя взмахом.
Для чего, скажи мне, стал я монахом?
Знать, от злой судьбины всё пошло прахом.
Не вини, кручина, многих ты в этом;
Намудрил, — причина только лишь в этом.

На пирах царями я отмечался,
И везде князьями я почитался.
И в сече алой я величался.
В чернорясца век бы не обращался!
Не вини, кручина, многих ты в этом;
Намудрил, — причина только лишь в этом.

III

* * *

Дитя океана! Мой перл! Для тебя
Алмазов и лалов не жаль, назани,
Язык твой — как сахар, уста — как пинджан,
А губы — как мед и миндаль, назани!

О нежная, крови моей не пролей!
Лицо твое — кости слоновой белей,
Червонные косы — цепей тяжелей,
А родинка — сердцу печаль, назани!

Пугливая ты куропатка в горах,
В парче твоя грудь, как шамамы в садах,
Твой стан — на токарных точили станках,
Зачем ты закуталась в шаль, назани?

Ты — роза, фиалка блаженных долин,
Пера на короне бесценный кармин,
Похищенный в шахских таможняx муслин,
Глаза твои — темный хрусталь, назани!

Саят-Нова — пирам наследник прямой,
Дана ему песенной ты ворожкой,
К любви он рванулся — и ранен тобой,
И раны сочтет он едва ль, назани!

1742

* * *

Не поведаю миру моих скорбей,
С прошением перед султаншей стою:
Пусть решит справедливо: коль есть вина —
    Веревку накинёт на шею мою.

Если впрямь на бумагу твой взор упал,
Ты. — единственный мой бадахшанский лал, —
Разгадай, что я в жалобе написал:
    Я в жертву любимой себя отдаю.

Увядает на камне безводном — цвет;
Нет в светильнике масла — погаснет свет;
Дела глупой вороне до розы — нет;
    Без розы не жить одному соловью.

Кто решил через море пуститься вброд,
Понапрасну героем себя сочтет;
Кто за доброе — злобою воздаёт,
    Лишится почета в родимом краю.

По заветам бывших мастеров живу,
Потому и влюбленным певцом слыву.
Попеченью могилы — Саят-Нову
    Предайте, оплакав кончину мою.

1753

* * *

Яр, отдай мне гвди огорченья все,
Чаровница жестокая, приходи!
Дай прильнуть к расплетенной твоей косе,
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Раб смиренный, я клятву тебе даю:
В мире суетном только тебя пою.
Вот — молю повелительницу мою:
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Что за горе мою заклеяло грудь?
Краше райского сада у милой грудь.
Красота мимолетна. Добрее будь,
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Кто подымет столь тяжкое бремя бед?
Яр, я твой! От печали защиты нет,
В смертный час не придет мне на помощь
свет,
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

* * *

Ты спростишь о своем рабе, а я отвечу:
О камни бьется головой Саят-Нова,
Огнем горит его душа, покинув тело,
В слезах скорбит полуживой Саят-Нова.

Твоей ли яр не угадать твоих страданий?
Не плачь в полночной тишине, Саят-Нова,
Я, и с другими говоря, с тобою сердцем,
Не мучься, не тоскуй по мне, Саят-Нова!

Твой взор ловлю и слезы лью: умру от жажды.
Плоды взрастил в том краю — умру от жажды.
Томленья смертного гаю: умру от жажды.
Спроси: а где наперсник твой, Саят-Нова?

Грозит бедой недобрый час — и нет спасенья!
Мой соловей умрет сейчас — и нет спасенья!
Меня позорит громкий саз — и нет спасенья:
Безумен по моей вине Саят-Нова.

Что делать мне, когда печаль меня тиранит?
Тоска по яр, как злая сталь, мне сердце ранит,
Обету изменить мне жаль — и жертвой станет,
И ляжет под ноги травой Саят-Нова.

Я и сама бы к твоему пришла порогу —
Злословью страшно указать мою дорогу.
О том, чтоб мне твоею стать — взываю к богу, —
Так не терзайся хоть во сне, Саят-Нова!

На хлеб да соль глядит гордец, почета хочет,
Кровавых ран прямой боец без счета хочет,
Желанной горлицы певец прилета хочет,
Иль вспыхнет пылью огневой — Саят-Нова.

Не я ли яр, не ты ли мой — учитель мудрый?
Осуществи закон земной, учитель мудрый:
Я — твой светильник золотой, учитель мудрый,
Будь мотыльком в моем огне, Саят-Нова.

Ты, сердце, бедный сумасброд, скорбя, изныло.
Какой озноб тебя берет! Иль ты забыло,
Как прославляя певца народ? Зачем для милэй
Ступил на этот путь кривой, Саят-Нова?

Кто изобрел слова для нас — моя и мой?
Пусть мать меня в закатный час не ждет
домой.
Я — Шахсенем, отрада глаз. С вечерней тьмой
Владыкой стань в моей стране, Саят-Нова!

Благословен строитель, возведший мост!
С ним камень свой прохожий в лад положит.
Народу жизнь я отдал, — за это мне
Могильную плиту мой брат положит.

Кто сердцем благороден, душой высок,
Сорвет, воспрянув гордо, оковы с ног,
А наш герой отыщет свинца кусок —
На стол купца, удаче рад, положит.

Труба слепого рска о том поет,
Что потерял достаток почтенный род, —
А кто нуждался в шерсти, сегодня тот
Парчи да шелка в скрыню клад положит.

Добро и зло, мой боже, разъедини!
От деспота лихого — оборони!
Не на врага в обиде я в эти дни:
Любимый друг мне в чашу яд положит.

Вы, соловьи без вдохновенья, кому нужны?
Пройдет любовь — ее мученья кому нужны?
Саят-Новы стихотворенья — кому нужны? —
Теперь любой созвучья в ряд положит.

19 марта 1758

* * *

Невыносимым стал мне песенный мой дар.
Я словно связан, рук лишен как будто.
Мой разум отлетел, в груди моей пожар,
А люди скажут: он умен как будто!

Наперекор всему я к хлебу соль достал,
Со дна морей песок, — взглянуть изволь — достал.
К одной болезни сто, усилив боль, достал.
В них корень, в них и зелень крон как будто.

Да смилуется бог над мастера душой!
Сырою веткою горю в степи сухой.
На сердце уголек упал в ночи глухой, —
Огнем я мечен, заклею как будто.

Кровь глаз моих с водой реки смешал я,
И день и ночь от боли чуть дышал я.
Как мстылек, на край свечи, упал я,
Промасленный со всех сторон как будто.

Безумцем стал, дышу любви угаром,
А ты восторг мой треплешь по базарам...
И говорят прохожие недаром:
Саят-Нова, мол, опьянен как будто.

10 июня 1758

* * *

Темнеет мир в сердце моем,
Когда твой взор мне не горит.
Ну где такой лик мы найдем,
Если резец не начертит, не начертит,
не начертит.

Хоть блещет роз ярких гряда,
Ты всех милей будешь всегда.
Мне сахар всласть будет, — когда
С розовым ртом будет он слит, будет он слит,
будет он слит.

Любовью пьян, весь я в огне.
Глядеть позволь досыта мне.
Зачем же, яр, ты в стороне,
Коль на тебя взор мой глядит, взор мой глядит,
взор мой глядит

Ценней тебя клада не зрим.
Мой долог плен, свикся я с ним.
Змейтесь ль, яр, косам твоим,
Если в их мрак жемчуг не ввит, жемчуг не ввит,
жемчуг не ввит.

*

Меня ль поймать черной косой,
Коль нет в ночи розы со мной?
Тебе ль цвести светлой весной,
Если Саят не приютит, не приютит,
не приютит.

10 июня 1758

* * *

Смерть придет ко мне незванно, — и себе я кров
ищу.
Для злокозненных и низких я клянущих слов
ищу.
Что мне помнить о минувшем! Новых берегов
ищу.
Мир усопшим! Тех, кто ныне мне внимать
готов, ищу.

Я — певец любви. Откуда этот дар ниспослан
мне?
Он мой разум жжет, как пламя, а ведь я и так
в огне.
Мирно, мать моя, покойся ты в загробной
тишине!
С молоком свой дар впитал я. Млечных я ручьев
ищу.

Как и мельницы, напевы не завертятся без вод.
Песнь меня в безумье ввергнет, вмиг мой разум
разорвет.
В розы сердце обратилось, в лепестковый
хоровод.
Не всегда ценю я знатных, в друге не чинов ищу.

Я попал в любви пучину, я чуть сдерживаю
крик.
Вот я чувствую: без сил я, воют волны, скроют
вмиг.
В песнях и четвертой доли мастерства я
не достиг.
Ученик я, чтоб учиться, лучших мастеров ищу.

Песнопенье, словно пламя, сердце всё мое
сожгло.
Душу, тело мне сжигает, разум вихрем унесло.
Плачь, Саят-Нова безумный, проклинай ты это
зло.
От невнемлющих не сгину. В мире свой улов
ищу.

9 июля 1758

* * *

Яр, мук терпеть не стану, нету силы.
Не ты ль мне жилы вскрыла — пожалей!
Перевяжи мне рану, нету силы.
Рука мне изменила, пожалей!

Я жертва кос, обрызганных росой,
Брел в полнолуние лунной полосой,
На огонек летел, пленен красой,
Ты мотыльку светила — пожалей!

Подстреленный олень я, — скал не вижу.
Где кравчий? Я вина искал, не вижу.
Сад соловьиный темен стал — не вижу.
Бутону червь — могила, пожалей!

Двух родинок у влажных уст я жажду,
Дай меда ласки, кубок пуст — я жажду.
Той шали, что как в розах куст, я жажду,
Парчой ты день затмила, пожалей!

Ах, вступит скорбь в свои права однажды,
Ужалят в сердце яр слова однажды.
Есть божий раб Саят-Нова. Однажды
Того, кого сгубила, пожалей.

1758

Слова великих мудрецов —
Свет, им ниспосланный с вершин.
Как струны стройные, должны
Они звучать среди долин.

Лишь друг твой помнит о судьбе
Твоей и о твоей алчбе.
Как зубы — телу, так — тебе
Он помогает, он один.

Я плачу в горести разлук.
Бреду, ищу, гляжу вокруг.
Для друга неподкупный друг, —
Целенье всех его кручин.

Герой в дали любых краев
Превыше тысячи купцов.
И если честь его покров, —
Его наполнится овин.

Тем, кто с рассветом на восток
Не взглянет, — это им не впрок.
Саят-Нова от них далек.
Он в вере тверд, он — армянин.

1758

* * *

В морях любви на дне есть жемчуг, и вот,
оттуда кладь моя,
Шелка цветов рубина, перла, иль изумруда —
кладь моя.
Неведомые благовонья в стекле сосуда — кладь
моя.
Ты — всех не видевших приманка, души
причуда — кладь моя.
Имбирь, гвоздика, мир, терпенье и прелесть
чуда — кладь моя.

Художники со всей вселенной пускай сберутся
вкруг меня,
Индийский резчик пусть рассмотрит узоры,
тонкость оценя.
Любуйтесь яхонтом, рубином, игрой их тайного
огня.
Заворожат вас шелк, и бархат, и златоткань,
к себе маня,
Искусно убрана, с уменьем, — не сыщешь худа —
кладь моя.
Так тяжела! — слону не сдвинуть, не унести и
на спине,
Ни за один рубин не смог я сойтись
с оценщиком в цене.

На тысячу затворов заперт любой ларец в моей
казне.
А в сердце горн такой пылает, что и в потолок
сгорит в огне.
Сожжет вас, — если не уйдете тотчас отсюда —
кладь моя.

Эй, господа, боюсь, расхитят поклажу ценную
мою,
Я лучше выюк за выюком вскрою, — вам покажу,
о чем пою.
Товар возьмете — не возьмете — себя вам
в жертву отдаю.
Я выюк раскрыл: разнесся запах, — вдыхайте
сладкую струю.
Дошаб, шербет, миндаль и сахар, варенья
блюда — кладь моя.

Алмазными пусть станут скалы, — на что они
моим очам.
Другие пусть ко мне подходят, а к ним не
подойду я сам.
Но не приблизитесь вы, знаю, огонь любви
опасен вам.
Послушайте, друзья, не верьте, прошу, Саят-Новы
словам.
Ведь так нежна, что в зной растает, как снега
груда, кладь моя.

* * *

Всё расскажу о родинках любимой:
Одна — Иран, играя, покорила,
Одна — взяла весь мир необозримый,
Сердца — другая, злая, покорила.

Одна теперь — владычица морская,
И Гюмушхан ей платит дань, вздыхая;
Вселенной солнце яркое — другая,
Владычица земная, покорила.

Одна — всегда добром и злом играла,
В горах дремучих — ланям стрелы слала,
Одна — прекрасней яхонта и лала;
Какой алмаз другая покорила!

Одна, — майдан тбилисский тенью края, —
Купцам и нищим не дает покоя;
Другая — ищущего яр — без боя,
Сама того не зная, покорила.

Одна — чернеет, звезды затмевая,
Другая — скрыла небеса до края;
Одна — пленила песню, а другая —
Саят-Нову, терзая, покорила.

* * *

Надела золотую ткань на пурпурный атлас — яр,
Художник мушку начертил: таков был мой
приказ, яр;
Твоя улыбка — яркий лал, и жемчуг, и алмаз,
яр,
Прекрасный вырез губ твоих чуждается прикрас,
яр!

Безумец я, не нахожу тебя достойных похвал;
«Взгляни!» — молил я — не глядишь. Любви мой
разум искал —
Ты унесла его с собой, — я беден мыслями стал,
В кувшин китайский слезы лью из опаленных
глаз, яр.

Где дни? Где ночи? Я забрел в неизвестные
места.
На быстром скакуне любви летит твоя красота,
В зеленом, в синем, в красном ты — тебе к лицу
пестрота,
Шелк, бархат, златоткань, парча — ты в новом
каждый раз, яр.

Как бабочка вокруг свечи, в огне любовном
сую:
Не сгину, если покорю возлюбленную мою.
Я тучу локонов твоих под жгучим ветром пою.
От сглазу верный амулет надень в недобрый
час, яр.

Схватил ли я — Саят-Нова — свою любовь
за рукав?
Я обезумел, как Бахлул, в ее засаду попав,
«Приди!» — воззвал, за песнью песнь, как
яхонты, распродав, —
И шелест платья твоего — меня от горя спас, яр!

* * *

Я тобой измучен, о моя пери!
Душу обожгла мне, извела не ты ли?
Плач мой, что все ночи слышен до зари,
По садам окрестным разнесла не ты ли?

Кинул свой улус я, мне возврата нет.
И в своих скитаньях весь прошел я свет.
Кто скрутил мне жилы, сгорбил мой хребет?
Стан мой в лук согнула, о стрела, не ты ли?

Как Меджнун в пустыне, я не жду отрад.
Притчей во языцех стал я, как Фархад.
Вот Саят-Нова твой! Он и жить не рад.
Жизнь его на гибель обрекла не ты ли?

* * *

Она взрастила сад красот: айва и гранаты —
в ней.
В ней амбра с мускусом слились, всех стран
ароматы — в ней.
Фиалок, майорана дух, дух розы и мяты — в ней.
В миру — зима, но все цветы, что вёснам так
святы, — в ней.

Я юн еще, и жарок я, помилуй и не сжигай.
Что делать мне! Свое чело и плечи не украшай.
Сегодня с ланью схожа ты, ты стан свой
не расправляй!
Весь мир, что лег в тени чинар, прохладой
объятый, — в ней.

В саду твоём звенит бьюльбюль и розовый пышен
куст.
Под вечер, утром и вовек весь мир без тебя
мне пуст.
Проснулся я, вскочил и пью дыханье желанных
уст.
На помощь! Гибну! Властный жар, бедою
чреватый, — в ней.

Вновь ранит грудь мою она, всё новых я жду
невзгод.
Всё страждет грудь. Ища лекарств, к прекрасной
нашел я ход.
И вот от яр услышал я: «Ко мне приходи раз
в год».
Разит певца — всё ж камфара любви тороватой —
в ней.

Сказали мне — она твердит: «Мне ль пара
Саят-Нова?»
Он вечно с сазом, лишь поет так яр
Саят-Нова».
Есть шелк? так покупатель, знай, «муара»
Саят-Нова.
Тайник откроет ли мне яр? шелка непочаты
в ней!

Полетим, бюльбюль, с тобою,
Мы по саду крúгом, крúгом.
Тут зимой порхал я, — розе
На досаду — крúгом. крúгом.

Ах, бюльбюль — цветка достиг он,
Страсти языка достиг он.
И тебя, тоска, достиг он,
Мчась, рыдая, крúгом. крúгом.

Соловья от роз прогнал ты,
В тьму грозой угроз прогнал ты,
И меня, без слез, прогнал ты,
Враг, блуждая крúгом. крúгом.

Строже яр мне не встречалось.
Так скорбеть мне не случалось.
Счастья колесо умчалось, —
В даль стремится крúгом, крúгом.

Я — Саят-Нова, и яр я
В стойкой страсти. Верен яр я.
Камня отведу ль удар я, —
Вот он мчится крúгом, крúгом!

* * *

Это к нам идет княжна. Кто ее стройней?
Куропатка, ты нежна, — ближе подойди!
Соловей любви моей, пестрый соловей,
Слово молви поскорей, — ближе подойди!

Где же, добрая, твой рай? Злая, весть подай
И слезам не позволяй литься через край,
Взором лани засверкай, похвалям внимай,
К нам, нарядная, как май, ближе подойди!

Твой Саят-Нова молчит, имя яр таит
И на площадь не влачит горестных обид,
Он удачей позабыт: счастье прочь бежит.
Победи свой робкий стыд, ближе подойди!

* * *

Ты кисти Индостана вдохновенье,
Лицом румяна — золото Египта,
Сирень, тюльпана нежное цветенье!
На тополь стана взглянешь — и погиб ты!

Приди, пленяя родинкою черной,
Ты вспыхнула зарей дороги торной,
Ни жив ни мертв я, лишь в тоске покорной,
Взываю, как Лохман: еще мгновенье!

Газель, ты гибко вытянула шею —
Сладка, как сахар, грацией своею.
Приди, голубка, злую кинь затею,
Не дай Медждуна испытать мученье!

Не гребнем, — лаской кудри разделю я;
Ты — солнце, жду, как роза, поцелуя,
Я от любви безумствую, ревнуя,
Бахлул я, чей удел — уединенье.

Саят-Нову разишь ты нежной дланью,
Весь Индостан тебе да будет данью,
Сравнима ты лишь с иракстанской тканью.
Кипр и Хиос отдам за кос плененье.

✱

* * *

Схожа с ланью, убежавшей от ловца,
Горделива и скромна проходит яр.
Красит родинка атлас ее лица,
В пояске золотом, стройна, проходит яр.

Заклеймила и в полон меня взяла,
Цепь любви стальную яр, звеня, взяла,
Солнца яркого лучи у дня взяла,
Как прелестная луна, проходит яр.

На рожденную от феи дочь — взгляни,
Зубы — жемчуг, все равны, точь-в-точь, —
взгляни.

Кудри — змеи, а темны как ночь — взгляни.
Змей клубком оплетена, проходит яр.

Раны, горлинка, не бреди моей,
Буря, пламя и пожар в груди моей.
Гибель от судьбы ты отведи моей, —
Словно море холодна, проходит яр.

Гиацинт, ковыль — шелка волос ее,
Создал бог под стать ей прелесть кос ее.
Друг Саят-Нова, люби без слез ее,
В золотой парче, одна, проходит яр.

* * *

О тебе распевал не один ашуг, —
Песнь моя горячей, я сожжен, сожжен.
Ты, свет солнца, похитивший лунный круг,
Блеском лунных лучей я сожжен, сожжен.

Обернулась листком золотым луна,
Принеси ты мне полный пинджан вина,
Знаю: мудростью редкой облечена.
Тайной женских затей я сожжен, сожжен.

Как с высоким чинаром тебя сравню, —
Срубят бедный чинар — отдадут огню.
Ты меняешь свой облик сто раз на дню,
Жемчугами речей я сожжен, сожжен.

Я измаян любовью, подай мне весть.
Потерял я рассудок, покой и честь,
Возле губ твоих родинок мне не счесть, —
Черной — цвета ночей — я сожжен, сожжен.

Сердце рвется к моей чаровнице, яр.
Пригвоздила меня ты к темнице, яр,
Ах, Саят-Нова в огневице, яр.
Коль не твой, так ничей. Я сожжен,
сожжен.

* * *

Розой раскрылась прелесть любимой.
Родинка — роза, щеки — роза, рот — роза.
Ждет соловей, любовью томимый.
Снится мне роза, где же роза? Вот роза.

Если ловец ты — спеши за ланью,
Если купец — угождай желанью,
В пышном наряде, сверкаешь тканью —
Вышиты розы: нечет — роза, чет — роза.

Сада царица мной завладела,
Плачу, рыдаю я то и дело,
Сыплешь слова в разговоре смело.
Речь твоя — роза, сладость — роза, мед — роза.

Розовый куст — восхищенье взора,
Знаю — убьешь соловья ты скоро.
Время не тронет красы убора,
Вечно ты — роза: месяц — роза, год — роза.

Если б взглядом ты подарила,
Сердце шипом, как мечом, пронзила,
Пусть бы Саят-Нову ты опалила,
Жаркая — роза, пламя — роза, жжет — роза.

Охотился я, — сокол сети порвал.
Я целился в лань, да в себя я попал.
Саят-Нова сладостно так прошептал:
«Твой — сахар, шербет — мой, — половина —
ТВОЯ».

* * *

Кровью давнишняя рана сочится,
Старая рана, — я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

В самое сердце ты клюнула, птица,
Старая рана, — я ранен голубкой. злою голубкой,
жестокой голубкой.

Словно Меджнун, я истерзан кручиной,
Связан я с розой судьбой соловьиной,
Каждый болеет, но раной старинной
Мучусь иначе, — я ранен голубкой, злою
голубкой, жестокой голубкой.

Больше не весел я, — предан печали,
Легче с годами терзанья не стали,
Снадобья пробовал — не помогали,
Издавна болен, я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

Милой писал я — пропало посланье,
Рана раскрылась — ужасно страданье.
Лекарь не лечит — к чему, мол, старанье!
Старая рана, — я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

Многое читано Саят-Новою, —
Всё позабыл он, поник головою,
Тщетно он лечится мазью, травою.
Старая рана, — я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

* * *

В когтях тоски забыта жизнь моя,
Но света ждет в ночи Саят-Нова.
Потоком слез омыта жизнь моя,
Кто скажет: замолчи, Саят-Нова?

Благословенной скромность назови,
С нее покровов детских не сорви.
Когда плывешь ты по морю любви,
Челна не промочи, Саят-Нова!

Всё в ранах, сердце, ноешь ты о ком?
Ты на свече сгорело мотыльком.
Убей газель, искусным будь стрелком,
И на плечах влачи, Саят-Нова!

Ты с азбукой знаком, ты грамотей,
Стихи для милой золотом расшей.
Яр потерял, — ищи других страстей.
У бога все ключи, Саят-Нова.

Бессмертной влаги взял у музы ты.
Огонь потух, сосуды все пусты.
Ты прожил тридцать лет средь темноты, —
Недуг свой излечи, Саят-Нова!

* * *

Глянь на грудь мою, — не кровь ли всё течет,
всё течет!
Я измучился, всё жду я нежной яр, милой яр.
День и ночь она мне душу всё влечет, всё
влечет.
Я измучился, всё жду я нежной яр, милой яр.

Ну скажи мне, что я сделал, в чем вина, в чем
вина?
Это сердце отдал милой я навек, я сполна.
Как Бахлул, в сетях уснул я, и в душе ты одна.
Я измучился, всё жду я нежной яр, милой яр.

Заболел я, а лекарства не найти, не найти.
Чтоб избежать бед любовных, не обрел я пути.
Мчится утка к озерам, мне невмочь к ней
пройти.
Я измучился, всё жду я нежной яр, милой яр.

Стал пловцом я, в волнах моря я поплыл, я
поплыл.
Как Фархад, горел, — и в скалы ударял что
есть сил.

Как Меджнун, к Лейле взывая, по пескам я
бродил.

Я измучился, всё жду я нежной яр, милой яр.

Вся в крови, как видно, печень, — и горит,
и горит.

Вскрыто сердце, и из сердца путь для крови
открыт.

И Саят-Нова рыдает и твердит, говорит:

— Я измучился, всё жду я нежной яр, милой яр.

* * *

Весть пришла от яр прелестной:
«Ни приветам», — говорит,
«Ни слезам его не внемлю, ни обетам!» —
говорит,
«О моих сердечных тайнах с целым светом
говорит», —
«Всё равно мне, что случится с тем поэтом!» —
говорит.

Брови яр — тугие луки, а ресницы — стрел
грозней;
Вдалеке она гуляет, с милой — встретиться не
смей!
Эй, друзья, кто горе мыкал? Что вы скажете
о ней?
Молвишь: «Здравствуй!» — отвернется. «Что
мне в этом?» — говорит.

Соловей безумный страждет, в тяжких ранах
грудь певца:
В мире этом у красавиц — беспощадные сердца.
Твой Саят-Нова погибнет, но до смертного конца
Он твоим любимым будет! — «Нет уж, где
там!» — говорит.

* * *

«Мир — ничто», — мне кто-то шепчет меж
ветвей.

Петь, играть, мечтать о пире я страшусь.
Ах, в гнездо свое умчится соловей.
Сирой клетки, птах в эфире я страшусь.

Смертный час натянет лук, — и в свой черед
Мир души твоей, нагрянув, рассечет,
Струны сердца твоего переберет, —
Игрока на этой лире я страшусь.

Смертный час придет и встанет надо мной,
Мне минуты не подарит ни одной,
Шелк возьмет, заменит скудной пеленой.
Этих мен в подлунной шири я страшусь.

Но «купец» без спроса в двери постучит,
Он с болящим телом душу разлучит.
Пять аршин он мне полотнища всучит.
И его всех больше в мире я страшусь.

Говорит Саят-Нова: беда идет.
Вы, грешившие! Она сюда идет!
Боже милостивый, час — мзда идет!
Взвесьте грех. Весов и гири я страшусь.

* * *

Охотнику оленя не настичь,
Такого, что сдирает шкуру льва.
В капкан скорее попадетсЯ дичь, —
Сильнее в мире хитрости права.

Есть люди, у которых ум в ногах,
Невежды, чей неверен каждый шаг.
Есть змеи, прячущие хвост в ушах, —
Ничто им заклинателей слова.

Лишь мудрый зодчий возведет чертог,
Он должен знать всему черед и срок.
Ашуг, ты то же, что лихой стрелок.
Без масла жарить — зря палить дрова.

Все на любовь летят, как мотыльки,
Увы... любви дороги нележки,
Ширин пленилась музыкой кирки,
«К чему бить скалы?!» — говорит молва.

Где Шах Надир, католикос Казар,
Меликом бывший властный Минишкар,
Где ныне правый суд, а не базар?
Их нет, увы... Как быть Саят-Нове?

* * *

Порой любовь другую — хочу найти.
Но споры и раздоры — придут, уйдут!
На милую и злую — взглянуть боюсь:
Насмешливые взоры — придут, уйдут.

Я стал золой и жаром: пришел мой час.
Ты, скромница, недаром не кажешь глаз:
С другим смеешься яром? — пускай для вас
Весна и счастье в горы — придут, уйдут!

Твой род благословенный — храни творец!
Чей стих тебя достоин, какой венец?
Туда, где ты заплачешь, придет певец,
Согласных сазов хоры — придут, уйдут

Терзаюсь: ты нужна мне, любовь моя,
Жизнь разобью о камни, любовь моя.
Клялась, так будь верна мне, любовь моя,
Иль дни твои, как воры, — придут, уйдут!

Саят-Нове покоя не зная, пока
Над ним кинжал заносит твоя рука.
О, пощади, голубка! Пускай тоска
И злой виновник ссоры — придут, уйдут!

* * *

Какую ты преследовала цель,
Когда в тот миг уста твои молчали?
Я болен, яр. Твои глаза — ужель
Моих кровавых слез не замечали?

Приди, взгляни, метни в меня копье!
Я сам подставляю грудь под острие.
Скажи, зачем, сокровище мое,
Конец любви пришел в ее начале?

Джан, отзовись на мой протяжный стон,
Ты выжимаешь сердце, как лимон,
Я на позор тобою обречен, —
Когда певцу бесчестие прощали?

В моем краю мелькнула джан, как тень,
Не оживет застреленный олень.
Без добрых дел проходит долгий день.
Я по своей вине томлюсь в печали.

Саят-Нова сказал: — Я на свечу,
Как бабочка влюбленная, лечу,
В огне любви я так сгореть хочу,
Чтоб искры яр мою не обжигали!

* * *

Из-за тебя, красавица, в морях страстей —
погибну,
Из-за очей, и стрел ресниц, и дуг бровей —
погибну;
Одной улыбкой розовой, как соловей,
прельщенный,
Из-за цветенья белого груди твоей — погибну.

Смотри: я стал язычником, душа, как пламень,
стала;
Я сохранил достоинство, изведав бед немало;
Одну печаль я выгадал, купец без капитала;
В объятых горя жгучего, в плену скорбей —
погибну.

Я в Грузии, среди князей, напрасно жизнь
растрачу.
У яр душа темна, как ночь, — и вот — я кровью
плачу.
Сберег я честь народную, клеймо бесчестья
прячу, —
Из-за любви — Саят-Нова — в расцвете дней —
погибну.

*

* * *

С поникшей головой, в цепях,
Я — пленник твой, любимая.
Вот я у ног твоих, я — прах,
Я — пленник твой, любимая.

Ты свет у солнца отняла,
Твой луч — горячая стрела, —
Сгорят мои глаза дотла,
Я — пленник твой, любимая.

Я ранен, я умру в бреду,
С ума сойду, с ума сойду,
В твоих цепях к тебе приду, —
Я — пленник твой, любимая.

Молю — скиталец-соловей —
О, пригвозди меня скорей
У запертых твоих дверей, —
Я — пленник твой, любимая.

Ты — роза, джан, а я — трава.
Смотри: я мертв, а ты — жива.
«Клянусь, — поет Саят-Нова, —
Я — пленник твой, любимая!»

* * *

Вы послушайте, что молвит вам ваш раб.
Многих сладостных певцов — о горе! — нет:
Много их в мир приходило и ушло.
Многих певших о любимом взоре — нет.

Все ушли, любовных слов не дождались.
Их сомкнулись рты, плодов не дождались.
Искандера сны миров не дождались,
И порфир, да и парчи в узоре — нет.

И с железом своим, в пределы птичьих стай,
Моисей поднялся на гору Синай.
Озарил огнем он весь подлунный край,
Но огня, что мог бы сжечь и море, — нет.

Снова раны мои кровью потекут,
Коль друзья меня погибнувшим сочтут
И сородичи, забыв меня, уйдут...
Горе! Матери в подлунном хоре — нет.

Вами мудрым каждый назван пустозвон.
И юнец у нас почетом облачен.
Обратитесь вы к Саят-Нове, — но он
Скажет: «В путь!» — и вот его уж вскоре —
нет.

* * *

Взываю к господу, судьбы злой приговор найдя,
найдя.
Отринь, господь, мою беду, беде отпор найдя,
найдя.

Сберечь вино твое не смог.
Я стал от родины далек.
Я пал в огонь, как мотылек,
Себе костер найдя, найдя.

И край чужой, что мне предстал,
Мне слать печали не устал...
Я, как Фархад, несчастным стал,
Твердыню гор найдя, найдя.

Охотник я, — да где простор?
Для дикой утки нет озер!
Бюльбюль, я плачу: тли узор
Не раз у роз — найдя, найдя.

Саят-Нова я, я — без сил.
Я пал, я страсть к тебе вкусил.
Ствол дней своих я подкосил,
Твой милый взор найдя, найдя.

* * *

Дикий мак, затесавшись в прелестный цветник,
В нем себя, загордясь, небесправным сочтет.
И не зная о розе, мечтой соловья
Он себя в заблужденьи забавном сочтет.

Кто даст нищим дворец? не возьму это в толк!
Обращается ль холст — как ни крась его —
в шелк?

Я стенаю, предвидя — нет, стон мой не смолк! —
Каждый встречный себя скоро славным сочтет.

Что за стрелы, что ранят без крови и ран?
Есть и птица «красильщик» — да где ее чан?
Неуч, если ему дар злоречия дан,
С человеком себя также равным сочтет.

Сходства ищут иные с собою в горах,
Да нагрянувший ветер разносит их прах.
А другой, — хоть червяк порождает в нем страх,
Против чудищ мечом себя главным сочтет!

Сердце! Страсти безумной смиришь ли порыв?
Погрузилось ты в страсть, мою грудь заклеив.
Плачет, плачет Саят. Ныне, льва победив,
И лисица царем себя явным сочтет!

* * *

Да будут смертному слова мои ясны:
Знай, солнце в небе до зари не встанет.
Друзья, бегите прочь от козней сатаны,
Чужой пусть в двери сердца не заглянет.

Лампаду правды жги, а серу затуши,
Блуди спокойствие и чистоту души,
Язык нам богом дан, — злословьем не греши,
Двух струй из одного ключа не прянет.

В народе говорят: племянник с дядей схож,
Чинар плодов не даст, зато высок, пригож.
Имеет корень всё, и ты в свой род идешь.
Корицей пшат благоухать не станет.

По сердцу друга мне я в мире не найду
И, сетуя, кричу всем про свою беду.
Не рыл соседям ям и сам не попаду.
Пусть я сгорю, а правда не обманет.

Саят-Нова твердит: себя от бурь укрой.
Что буря сделает с высокою горой?
На камне прочном ты очаг души построй.
Ковчегом он в потоп всплывет, — не канет.

* * *

Я лишь слуга ашугов искушенных,
Я тот, кто чтит судьбою обойденных.
И я мудрей тобой со мной сравненных,
Я тот, кто даст ученикам познание.

Кто смел, тот людям правду скажет просто.
В душе любовь, возрастая, жаждет роста.
Бед восемьдесят у меня... нет!.. до ста!
Я тот, чья жизнь и чья душа — страдание.

Беря плоды — их обаяние ведай.
Беря коралл — его название ведай.
Саят-Нову, его создание ведай;
Я тот, кто — свет, но кто не знал признания.

* * *

Мне ангелом любовь дана,
Горю, в ее глубинах тая.
Ах, косы заплела она,
В них золотую нить вплетая,
вплетая, вплетая.

Тебе все песни вновь отдам,
Весь мир — не прекословь, отдам,
Настанет час — всю кровь отдам
За очи, что горят, сверкая,
сверкая, сверкая.

В сад соловьем я залетел,
Коснуться розы захотел,
Обжегся я, — не доглядел,
Любовью я объят без края,
без края, без края.

Осиротелым соловьем
Без розы плачу день за днем.
Мешаешь ты бальзам с огнем,
Чтоб к ране приложить. О, злая,
о, злая, о, злая!

* * *

От любви мне дышать невмочь,
Жар в крови, сам себе не рад.
Кудри милой черны, как ночь.
Ты с утра фиалковый сад поливала,
поливала, поливала.

Заблудившийся соловей,
Не сыщу я родных ветвей,
Обесславлен молвой людей.
А себя ты пред ней стократ оправдала,
оправдала, оправдала.

Виночерпица, дай вина!
Жизнь моя тебе отдана.
Наковальня раскалена,
В горне сердца ты жаркий ад раздувала,
раздувала, раздувала.

Дай сказать, погоди чуть-чуть,
О желанной вздыхает грудь,
Кровью застлан взор — не взглянуть!
Жжет мне грудь — так клеймом клеймят —
жар металла, жар металла,
жар металла.

Я в тоске и слезах живу.
Я стрелой твой язык зову.
Для чего ты Саят-Нову, —
Пред тобой он не виноват, — наказала,
наказала, наказала?

* * *

Этот — друг твой, а та вот — услада ночей.

Этот — в розах, а тот — меж колючих ветвей.

Этот — лишь попугай, ну а тот соловей.

Этот — сахар вкушает, а тот — ляблябу.

Этот — всё веселится, тот — горестью пьян.

Этот — взял золотник, а вон тот — взял батман.

Здесь различные судьбы раскинули стан:

Этот — жизни исполнен, тот бедный — в гробу.

Этот — в полном достатке, тот — нищ, словно

мышь.

Этот — тянет винцо, тот — глотает гашиш.

Этот — с сазом бредет, тот вон с цитрой, глядишь.

Этот — празднует пир, тот — кусает губу.

Этот — спит, тот — подушек и не обнимал.

Этот — трезв, тот вон в винах, знать, толк

понимал.

Этот — руку расшиб, тот — он ногу сломал.

Этот — мазь от ушибов размазал на лбу.

Где ж родился Саят? Сказал тот — Хамадан,
Этот — Инд. Нет, отец мой из дальних был стран:
Жил в Алеппо; а мать — авлабарка; мне дан
Свет в Тбилиси — свою в нем нашел я судьбу.

* * *

Хоть мастер опытный, весьма искусен ты, —
О том, что золотом заткали, говорят.
Увидев золотом расшитые шелка,
Про ткань индийскую едва ли говорят.

Не знает горя тот, кто истину блюдет.
Пусть продает он шелк, пусть холст он продает.
Не о камнях, что спят во тьме земных пород,
О тех, что строем стен предстали, говорят.

Как речь у мастера быть может не стройна?
Нет, без добычи быть охота не должна!
Брось иву, для огнив нужна ведь не она!
Лишь о сверкающей нам стали говорят.

Краса красавицы в руне ее кудрей.
Благовоспитанность — добротный шелк мужей.
В нечестном — яд; о том, чей ясен блеск очей,
Кто не нуждается в забрале — говорят.

У множества певцов любовный жар в крови.
Влюбленный — в горестях, как радость ни зови.
В Тбилиси, у грузин, поборником любви
Тебя, Саят-Нова, назвали — говорят.

* * *

Весь этот мир — лишь суета. Что край беды
припоминать?
Сгорает смертный, как огонь. Что ж нам
прошедшего желать?
Коль светоч истин угашу, то сам не буду я
пылать.
От смертной чаши в судный день рта не смогу
я оторвать.
Певунья сердца улетит, увядшей розе не дышать.

Мир — плод в руке творца, — и я прошу,
склонясь у божьих ног:
«Возьми на длань свою меня, чтобы припасть
к тебе я смог.
Во мне и суша и вода, не расплетай же мой
клубок».
О сын Адама, ты творца не покидай: ты одинок.
Последний сон сойдет к тебе, — и век тебе не
приподнять.

Все мудрецы, увидев мир, его сторонкой
обошли, —
Так соловей в завоях роз не хочет и коснуться
тли.

Не утверждай нам этот мир, в нем жизни вечной
не сули:
Мир в море каплями течет, глянть, — в море
капли утекли.
Коль правду молвяю обо всем — стыда пред
истиной не знать.

Эй, вы, аги! Придет беда, — огонь каких еще
горнил!
В миру ином не различат — агой ли был, рабом
ли жил.
Отнимет розу у тебя приказом бога Гавриил.
Язык мне режьте, коль я лжи хоть малость вам
наговорил;
Бог — надо мной, под богом — я, — и лжи мне не
провозглашать.

Бог правит. Семьдесят и два в его руке народа
есть.
Пророков — жизни вожаков — есть триста
шестьдесят и шесть.
О том, что, как певец Давид, в раю я буду, —
есть мне весть.
Саят-Нова, твой караван пошел — идет куда
невесть.
Живите в благе! Ухожу, — и ног не поверну я
вспять.

ПРИМЕЧАНИЯ

Изучение творчества Саят-Новы имеет более чем вековую историю. Первое серьезное исследование его песен относится к 1852 году и принадлежит перу Г. Ахвердяна. С тех пор наследие великого ашуга постоянно привлекало внимание литературоведов, историков, писателей. Особенно много сделано в области популяризации и истолкования стихотворений Саят-Новы в советское время.

Дошедшее до нас наследие поэта содержит 70 стихотворений, написанных на армянском языке, 32 — на грузинском и 114 — на азербайджанском. Настоящее издание представляет собою наиболее полное собрание стихотворений Саят-Новы на русском языке. В сборнике три раздела: первый — стихи, переведенные с армянского языка, — включает 51 стихотворение; второй — стихи, переведенные с грузинского, — 28 стихотворений; третий — стихи с азербайджанского — 42 стихотворения. Хотя стихов на азербайджанском языке сохранилось больше, чем других, они текстологически наименее изучены, часть их еще не расшифрована, полной публикации подлинников не было.

В книге в основном представлены переводы, опубликованные в «Сборнике армянских, грузин-

ских и азербайджанских песен» Саят-Новы под редакцией Г. Абова (Ереван, Армгиз, 1945). Для данного издания впервые переведены составителем на русский язык шесть стихотворений с армянского и одно с грузинского.

Установившийся по традиции порядок публикации стихов поэта расходится с расположением их в известных двух рукописях — первой, принадлежащей перу самого Саят-Новы, и второй, представляющей список, сделанный рукой младшего сына поэта Огана Саядяна. В настоящем сборнике внутри разделов сначала помещены в хронологическом порядке датированные стихотворения, а затем стихи, время написания которых не установлено.

Словарь Саят-Новы богат иноязычными словами. В русских переводах в отдельных случаях сохранены, кроме армянских слов, слова персидские, арабские, азербайджанские. Все эти слова, а также термины, названия и имена, относящиеся к мифологии, истории, географии, быту и пр., объяснены в специальном словаре, помещенном вслед за примечаниями.

I

«Твой силен ум: таким рожден, — себя глупцу равнять зачем?..» *Дочь царя* — по предположению, грузинская царевна Анна, сестра царя Ираклия II. В этом стихотворении использована наиболее часто встречаю-

щаяся у Саят-Новы, излюбленная им поэтическая форма.

«Твой волос — смоченный рехан, иль шелка нить, или струна...» Первая строка второй строфы в подлиннике не ясна. Форму этого стихотворения автор в примечании определяет как «пятилистник», имея в виду повторы в конце каждой из пяти строф.

«Друг, ты попал в сети любви, — песенный дар я для тебя...» В автографе поэт указывает, что эту песню пропела ему возлюбленная.

«Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач...» Одна из форм восточного стихотворения-дуэта. Под стихотворением примечание автора: «Так Арутин и его милая говорили друг другу».

«Жив доколь я, джан, — милой в жертву дан. Как избыть дурман?...» Одно из сложных по звукописи стихотворений с тройной внутренней рифмовкой строк в строфе.

«Яр, никогда не знай беды, беда во век — врагам твоим...» *И семь десятков на лице чернеет родинок, маня.* Эта строка по подлиннику комментируется и так: «родинки на твоём лице меня лишают ума».

«Чужбина — мука соловья: год — сада он родного ждет!..» *Ковчег* — здесь в значении чаши.

«Ты ярче сбриуи золотой в своих камнях, красавица!..» *Трон павлиний* — предположительно драгоценный трон индийского могола, украшенный также павлиньими перьями. *Соломонов ум*. Соломон — царь объединенного царства Израиля и Иудеи (960—935 до н. э.). Библейское предание приписывает ему необыкновенный ум и мудрость. Под стихотворением в рукописи запись автора: «Да помилует бог убитого возлюбленной Арутина Саят-Нову».

«Угодливо, народный раб! служить ступай, Саят-Нова!..» Первая строфа в подлиннике имеет оттенки: слуга народа должен служить сладко, достойно, вместе с тем с заботой и страданием. *И свиньям лал и жемчуга ты не бросай*. Эти слова позаимствованы из Евангелия от Матфея (гл. 7, п. 6). Четвертая строфа не переведена В. Брюсовым.

«Из всех людьми хваленых лир полней звучишь ты, каманча!..» Поэт славословит любимый инструмент. На нем, аккомпанируя себе, он пел свои песни. *Тебя не цступлю я*. При состязании ашугов побежденный уступал свой инструмент победителю. *Ему и чай и кофе есть*. Перед началом игры и в перерывах ашугам подавали чай и кофе — знак уважения к профессии.

«Скажу я сердцу твоему — зачем со мной ты не в ладах?..» Первая строка пятой строфы в подлиннике не сохранилась.

«Красива очень шахатан, — певца не опорочишь ты..» *Шахатан*. В подлиннике: шахатай; смысл этого слова не установлен; предположительно — символ божества, вид мелодии, форма стихотворения. В рукописной тетради поэта его армянские стихи начинаются этим стихотворением. В примечании под ним автор указывает, что он теперь хочет писать по-армянски, что он — сын махтеси (это звание присваивалось христианам, совершившим паломничество в Иерусалим; отцу поэта оно было также присвоено) Арутин — сызмальства, вот уже тридцать лет, увлечен игрой (песней), изучил музыкальные инструменты: кяманчу, чонгури, танбур.

«Не плачь, о джан, пусть разум твой ни в чем плохого не узрит..» Автограф написан армянскими и грузинскими буквами. В примечании автор поясняет: «Часть написана армянскими, часть грузинскими буквами, хотел примешать и тюркские, но не сделал».

«Склони свой слух, баритавур..» *Китай дарит грудей нефрит*. Имеется в виду ювелирное украшение для женщин. В примечании автор, оценивая по достоинству свое стихотворение, замечает: баритавур настолько хорош, что содержит в себе все превратности судьбы

ашуга (буквально: все, что должно пройти над его головой).

«Ты — узоры парчи, ты как золото ткани, о джан!..» *Славословий моих только слон мог бы книгу нести.* Эта строка почти дословно повторяется в песне на азербайджанском языке «В морях любви на дне есть жемчуг, и вот, оттуда кладь моя..» (третья строфа, первая строка — см. стр. 217).

«Я — на чужбине соловей, а клетка золотая — ты!..» *С пятнышком лица — с родинкой.*

«Откуда ты? (я соловью)..» В подлиннике первая строка — «Откуда ты, странник-соловей?» Стихотворение указывает на преемственную связь с творчеством армянского поэта Нагаша Овнатана (1661—1722), предшественника Саят-Новы. У Нагаша Овнатана близкое по мотивам стихотворение начинается строкой: «Откуда ты, сладкоголосый соловей?»

«Нынче милую мою видел я в саду..» *Садовник* — в смысле влюбленный, возлюбленный — традиционное уподобление. *Матах тебе* — буквально: я готов принести себя в жертву тебе; употребляется как ласкательное обращение.

«Так жить хочу, чтоб каждым днем обязан был я лишь себе..» *Из персидских*

стран — здесь в смысле стран Европы. Вторая, третья, четвертая строфы этого стихотворения сходны с теми же строфами песни на азербайджанском языке «В морях любви на дне есть жемчуг, и вот, отсюда кладь моя...» (см. стр. 217).

«Страсть — огонь горящий, — приходит, пылает!..» Под стихотворением интересна запись Саят-Новы: «Назидательное для молодого ашуга»; она указывает на то, что поэт считал себя учителем, воспитателем ашугов.

«Мне люди скажут: я по красе томлюсь...» В авторском примечании читаем: «Сказано Арутином. Посвящено одной красавице».

«Что без тебя сойбат мне и что мне с аз?..» Есть у Саят-Новы такое же стихотворение на азербайджанском языке. В четвертой строфе нашли отражение автобиографические мотивы.

«Ушел Фархад, Ширин, твой взгляд навек тоской опален...» Единственное из армянских стихотворений, где поэт применил шестистрочную строфу. Третьей с конца строки не хватает в списке Огана.

«Роза шлет весть соловью: мол, расцвела, — ожидает...» В списке Огана под этим стихотворением крайне неясная за-

пись, касающаяся могилы отца. Из нее явствует, однако, что Саят-Нова был убит.

«О царь, люби закон и суд, не будь жесток, коль жизнь мила...» В последней строфе вторая строка не сохранилась в подлиннике.

«Серебрится серебром...» В стихотворении поэт использовал форму армянской народной частушки.

«Яр, тебе подходит алая тафта...» Предполагается, что стихотворение адресовано грузинской царевне Анне.

II

«Ты розы вскормлена соском, — и, как она, красива ты...» *Шамаханский* — от Шамаха, известного торгового и ремесленного центра в старом Азербайджане. *Серьюю* сказочной *Тадмар*. В подлиннике речь идет о царице из «Повести о Медном городе», изданной на армянском языке в 1708 году в Константинополе.

«О, приди, я твой, не гляди сурово...» Под стихотворением пояснение сына поэта Огана: «Так милая его обманула и заперла дверь; сожалея и печалась, он написал эти стихи».

«В соловьях нет недостатка, полон сад цветов, — не так ли?..» Так и шах не веселился, сделав свадьбу для Ростомы — намек на мотив из «Шахнаме» Фирдоуси. Царь Саят-Новы — прекрасней царственных орлов, — Ираклий. Имеется в виду грузинский царь Ираклий II (1720—1798, см. вступительную статью).

«Говорю с тобой затем я..» «Голи-голи» — название грузинской игры; здесь употреблено в смысле: порезвимся. «Сани» я зовусь и «тони». Перед «ани» «вини» видел. Поэт называет по-грузински четыре буквы своего имени: «с», «т», «а» и «в».

«Хороша ты в златоткани! В золотом уборе ты..» Нет, тебе приснилось только, что неправилен мой слог! Эту строку по подлиннику надо понимать так: «Нет, тебе приснилось только, что я лгу».

«Твоего бы дожидаться прихода..» Под этим стихотворением пояснение Огана: «Песня эта посвящена Саят-Новой своему сердечному, нежному другу».

«Слова «нет» не скажут милым. Кто предаст их лютым карам?..» В списке Огана этим стихотворением открывается раздел стихов на грузинском языке. Здесь же надпись, сделанная, по-видимому, рукой первого владельца: «Эта книга принадлежит грузинскому царе-

вичу Теймуразу. Написал для меня сын Саят-Новы Иоане стихотворения своего отца Саят-Новы, в память о нем».

«Услышать твой игривый зов всегда желал — приди, узрю!..» Четвертая строка первой строфы не сохранилась.

«Я был сыт, не для пирушки, полной гама, я пришел...» *Бросив дом, из-за Алеппо, из-за Шама я пришел.* В Алеппо — торговом городе на севере Сирии — родился отец поэта.

«Прокли в том, что злой печали ты не знаешь!..» Сын поэта Оган в своем примечании к стихотворению сообщает, что оно представляет собой иносказательное ругательство, поношение; по-видимому, ответ человеку, оскорбившему поэта. Запись неясна, и трудно определить, к кому обращены стихи.

«Среди двух селений, слышал, есть гора, это правда...» *Государя сестра.* Это место читается и так: сестра китайского государя. *Гурген-хан.* Неясно, о ком идет речь; возможно, о грузинском царе Георгии XII до его вошествия на престол.

«Твоему суду сердце будет радо...» *Ты — пресветлый царь, Грузии услада.* Имеется в виду Ираклий II (см. вступительную статью).

«Злобным быть, как иной, не хочу совсем...» Предполагается, что стихотворение обращено к Ираклию II.

«Голова! О горе! Что с тобой стало!..» Считается, что это последнее стихотворение Саят-Новы и написано оно в Ахпатском монастыре (Санаин).

III

«Не поведаю миру моих скорбей...» *Бадахшанский лал* — по названию рубиновых копей в Бадахшане, горах Гиндикуша, на северо-востоке Афганистана; рубины из Бадахшана в то время славились.

«Ты спросишь о своем рабе, а я отвечу...» В примечании к этому дуэту в стихах поэт сообщает, что в основу его положены слова, сказанные ему любимой при встрече.

«Слова великих мудрецов...» Он в вере тверд, он — армянин. Указания на свою национальность у Саят-Новы встречаются только в его азербайджанских стихах.

«В морях любви на дне есть жемчуг, и вот, оттуда кладь моя...» Вторая, третья и четвертая строфы очень близки к соответствующим строфам армянской песни «Так жить

хочу, чтоб каждым днем обязан был я лишь себе...» (см. стр. 132).

«Я тобой измучен, о моя перн!..»
Кинул свой улус — оставил свой дом, родину.

«Розой раскрылась прелесть любимой...» Это стихотворение по форме близко к грузинскому «В сад весенний дверцу милой открою...» (см. стр. 197).

«Охотнику оленя не настичь...»
Есть змеи, прячущие хвост в ушах. По восточному поверью, змея, чтобы не быть зачарованной игрой факира, прикрывает хвостом свои уши.
Ширин пленилась музыкой кирки. Намек на романтический подвиг Фархада: во имя любимой он прорубил гору.

«Вы послушайте, что молвит вам ваш раб...» *Искандера сны миров не дождалась.* Намек на то, что после смерти Александра Македонского распалось его огромное царство.
Моисей поднялся на гору Синай. По библейскому преданию, на горе Синай бог дал Моисею скрижали завета с начертанными на них десятью заповедями.

«Этот — друг твой, а та вот — услада ночей...» *Авлабарка* — по названию района Тбилиси Авлабар, населенного в старое время преимущественно армянами-ремесленниками. По-

следняя строфа содержит автобиографические сведения.

«Весь этот мир — лишь суета. Что край беды припоминать?..» Упоминаемые в стихотворении библейские имена архангела Гавриила и псалмопевца Давида введены переводчиком, но не противоречат смыслу подлинника. *Бог правит. Семьдесят и два в его руке народа есть.* По библейскому сказанию, жители земли, дойдя до полного нравственного развращения и потери страха перед богом, стали строить в городе Вавилоне башню, доходящую до неба. Разгневанный бог расстроил их планы, «смешав языки их так, что один не понимал речи другого»; и будто после Вавилонского столпотворения число языков дошло до 72. *Пророков — жизни вожаков — есть триста шестьдесят и шесть.* По церковному счету было 366 пророков.

СЛОВАРЬ

Абаш — Эфиопия.

Ага — господин.

Аквамарин — драгоценный камень сине-зеленого цвета.

Арабстан — общее название арабских стран; Аравия.

Араз, Аракс — река в Армении, приток Куры.

Асмавур — название армянской церковной книги; «Святцы», «Жития святых».

Ашуг — буквально: влюбленный; народный певец-музыкант, сочинитель и исполнитель песен.

Баритавур — правильно: багритавул; форма длинного восточного стихотворения с характерным волнообразным ритмом, цепью созвучий на стыке строф.

Батман — мера веса, около полпуда.

Бахлул — герой восточных сказаний, странствующий мудрец, бесноватый, одержимый любовью. Этот фольклорный образ, как и образы Ростомы, Меджнуна, Фархада (см.) Саят-Новы метафорически использует для выражения своих чувств.

Бюльбюль — соловей.

Векил — представитель власти; опекун; министр.
Визир (или *визирь*) — первый министр шаха.

Гашиш — наркотическое вещество, добываемое из смолы индийской конопли.

Гилян — район в Персии.

Гулабдан — сосуд для хранения розовой воды.

Гюлистан — сад роз, цветник.

Гюмушхан (*а*) — серебряные рудники в Турции, славившиеся в XVIII веке.

Джаваир — бриллиант.

Джан — слово, означающее и «душу», и «тело»; ласкательное в значении: дорогая, милая, а также дорогой, милый.

Джанум — ласкательное обращение: душа моя, дорогая.

Джейран — вид газели или антилопы.

Дошаб — бекмес, уваренный сок винограда.

Залум — безжалостная, злая.

Зурна — духовой тростевый музыкальный инструмент.

Измир — город в Малой Азии, на берегу Эгейского моря.

Имбирь — пряность.

Инд — Индия, индеец.

Индостан — Индия.

Искандер — Александр Македонский (356—323 до н. э.), крупнейший полководец древнего мира.

*

Калам — перо, а также кисть художника.

Каламкар — тонкая шелковая разрисованная ткань.

Калат — город в Хорасане (см.).

Каманча — правильно: кяманча, струнный смычковый музыкальный инструмент.

Кариб — скиталец-ашуг, герой народных сказаний, преданно любивший свою милую Шахсанам (см.).

Католикос Казар — глава армяно-григорианской церкви, умер в 1751 г.; ему приписывается возведение каменного забора вокруг Эчмиадзинского монастыря.

Ковер царей — пиандаз, драгоценная материя, которую расстилают под ноги почетным гостям.

Лал — рубин.

Лейли (Лейла) — героиня восточного фольклора, а также произведений Низами, Физули и Навои. Образы Лейли и Меджнуна (см.). Саят-Нова метафорически использует для выражения своих бурных чувств.

Лукман (Лохман) — арабский мифический мудрец-лекарь.

Ляблябу — жареный горох; вместе с изюмом считается лакомством; в другом значении — вареная свекла.

Майдан — торговый центр, рыночная площадь, а также поле боя.

Марал — олень.

Маранд — город в Персии.

Матах — жертва, жертвоприношение.

Меджлис — собрание; пир, пиршество; бал; восточный салон; государственный совет.

Меджнун — герой восточного фольклора (см. *Лейли*); буквально означает: одержимый любовью; символ бурной, верной и несчастной любви в фольклоре народов Передней и Средней Азии.

Минишкар — имя князя, одного из управителей Тбилиси в середине XVIII века.

Мтквари — грузинское название реки Куры.

Набат — кристаллы топленого сахара.

Надир (1688—1747) — персидский военачальник, а потом шах; известен грабительскими походами и своей жестокостью.

Назани — престолница.

Назир — чиновник при дворе, министр.

Орна — по библейскому преданию, на гумне земледельца Орны иудейский царь Давид соорудил жертвенник богу.

Паргал — ножницы; циркуль.

Пери — фея; красавица.

Пинджан — сосуд, чаша, фиал.

Пранги — французский.

Прангистан — Франция; также вообще Западная Европа.

Пшат — лох, южное дерево с пахучей листвой и съедобными плодами.

Рахип — разлучник.

Раиш — огненный конь; так звали коня Рустема из поэмы «Шахнаме» Фирдоуси (934 — ок. 1020).

Рехан — базилик, ароматическое съедобное растение с красивыми листьями.

Ростом, Ростом-Зал или *Ростом, сын Зала* — Рустем, герой поэмы «Шахнаме» Фирдоуси. Саят-Нова в своих песнях обращается к образу Рустема — мужественного и благородного героя, рыцаря любви.

Саз — струнный музыкальный инструмент.

Сазандар — музыкант-исполнитель на струнном инструменте; ансамбль, состоящий из тара, кяманчи и бубна.

Сантур — струнный ударный музыкальный инструмент, род цимбал.

Сардар — персидский военачальник.

Сарисар — вид шелковой ткани.

Скандар-Зулхар — Александр Македонский (см. Искандер).

Сойбат — беседа, приятный разговор.

Сунбул — гиацинт; ковыль.

Сусамбар — ароматическое растение.

Тар — струнный музыкальный инструмент.

Тиара — корона древних персидских царей.

Туран — Туркестан.

Фархад — ваятель и горный мастер, герой поэм Низами и Навои; любовь его к Ширин — символ беззаветной, преданной любви в фольклоре народов Передней и Средней Азии.

Хамадан — город в Персии.

Хиос — остров в Эгейском море, у берегов Малой Азии.

Хорасан — провинция Персии; известна своими коврами, шелковыми тканями, оружием.

Цахказард — вербное воскресенье, праздник весны, цветенья.

Шакар — сахар.

Шам — Дамаск.

Шамам — род маленькой ароматной дыни.

Шамаха — торговый и ремесленный центр в старом Азербайджане.

Шах-Аббас — персидский шах в 1587—1628 гг., сильный и жестокий правитель.

Шахатан — вид мелодии, форма стихотворения.

Шахиб — высший чиновник при дворе, правитель, наместник.

Шахсанам, или *Шахсанем* — героиня народных сказаний, возлюбленная Кариба (см.).

Шербет — прохладительный напиток с сахаром.

Шираз — город в Персии, крупный торговый и культурный центр, родина Гафиза и Саади.

Ширин — возлюбленная Фархада (см.).

Шушон — лилия.

Яр — милая, милый.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ САЯТ-НОВЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С а я т - Н о в а. Песни. М., Государственное издательство художественной литературы, 1939.

С а я т - Н о в а. Сборник армянских, грузинских и азербайджанских песен. Ереван, Армгиз, 1945.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Саят-Нова. Вступительная статья Сурена Гайсарьяна	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

«Как соловей, томилась ты...». <i>Перевод</i> <i>С. Шервинского</i>	67
«Ты, безумное сердце! мне внемли...» <i>Перевод В. Брюсова</i>	69
«Твой силен ум: таким рожден, — себя глупцу равнять зачем?...». <i>Перевод</i> <i>В. Брюсова</i>	70 262
«Твой волос — смоченный рехан, иль шелка нить, или струна...». <i>Перевод</i> <i>С. Шервинского</i>	72 263
«Друг, ты попал в сети любви, — песен- ный дар я для тебя...». <i>Перевод</i> <i>В. Звягинцевой</i>	74 263

---

¹ Первая цифра обозначает страницу стихотворения, вторая (курсивом) — страницу примечания.

- «Лишь знать, как много лет тебе! — с тобою твой гусяр блажен...». *Перевод С. Шервинского* 76
- «Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач...». *Перевод В. Звягинцевой* 78 263
- «От любви, как Меджнун, горю...». *Перевод В. Звягинцевой* 80
- «Жив доколь я, джан, — милой в жертву дан. Как избыть дурман?...». *Перевод С. Шервинского* 81 263
- «Меджнун я, тоской палимый...». *Перевод В. Звягинцевой* 83
- «Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце? жжет она!..». *Перевод В. Брюсова* 84
- «Меня ты ранишь без ножа. Палач моих желаний ты...». *Перевод С. Шервинского* 86
- «Яр, никогда не знай беды, беда во век — врагам твоим...». *Перевод С. Шервинского* 88 263
- «Чужбина — мука соловья: год — сада он родного ждет!..». *Перевод В. Брюсова* 90 264
- «Внемли: проникнуты слова мои мольбой, о свет очей...». *Перевод С. Шервинского* 92
- «Ты ярче сбруи золотой в своих камнях, красавица...». *Перевод М. Лозинского* 94 264

- «Я был в Абаше, я весь мир прошел до
края, нежная...». *Перевод М. Лозин-*
ского 96
- «Я болен от любви к тебе, — о злом не-
дуге плачу...». *Перевод М. Лозин-*
ского 98
- «Угодливо, народный раб! служить сту-
пай, Саят-Нова!...». *Перевод В. Брю-*
сова 100 264
- «Кто рядом сел — он пьян уже, в его
глазах двоишься ты...». *Перевод*
С. Гайсарьяна 102
- «Рисунок лучших мастеров — в малейшей
части у тебя...». *Перевод С. Шер-*
винского 104
- «Наш мир — окно, но улиц вид меня гнет-
тет, мне стал не мил...». *Перевод*
С. Шервинского 106
- «Из всех людьми хвалены лир полней
звучишь ты, каманча!...». *Перевод*
В. Брюсова 108 264
- «Меня и милую мою година та ж родила,
знай...». *Перевод В. Брюсова* 110
- «Скажу я сердцу твоему — зачем со мной
ты не в ладах?...». *Перевод С. Гай-*
сарьяна. 112 265
- «Коль неучу слово дано, ему внимать
к чему теперь?...». *Перевод С. Гай-*
сарьяна 114
- «Красива очень шахатан, — певца не опо-
рочишь ты...». *Перевод С. Шервин-*
ского 116 265

- «Не плачь, о джан, пусть разум твой ни
в чем плохого не узрит...». *Перевод*
К. Липскерова 117 265
- «Склони свой слух, баритавур...». *Пере-*
вод С. Шервинского 118 265
- «Ты — узоры парчи, ты как золото тка-
ни, о джан!..». *Перевод К. Липске-*
рова 124 266
- «Я — на чужбине соловей, а клетка золо-
тая — ты!..». *Перевод В. Брюсова* . 126 266
- «Откуда ты? (я соловью)...». *Перевод*
В. Брюсова 128 266
- «С бесценным камнем джаваир своей кра-
сою сходна ты...». *Перевод С. Шер-*
винского 129
- «Нынче милаю мою видел я в саду...». *Пере-*
вод В. Брюсова 130 266
- «Так жить хочу, чтоб каждым днем обя-
зан был я лишь себе...». *Перевод*
К. Липскерова 132 266
- «Ты — как сирена, что губит плыву-
щих...». *Перевод М. Лозинского* . 134
- «Страсть — огонь горящий — приходя,
пылает!..». *Перевод Ю. Верхов-*
ского 135 267
- «Отраден голос твой, и речь приятна...». *Пере-*
вод М. Лозинского 136
- «Мне люди скажут: я по красе том-
люсь...». *Перевод С. Шервинского* . 137 267
- «Что без тебя сойбат мне и что мне
саз?..». *Перевод С. Шервинского* . 138 267

- «Я в жизни вздоха не издам, доколе
джан ты для меня!..». *Перевод*
В. Брюсова 139
- «Я ждал, я пролил столько слез...».
Перевод А. Тарковского 141
- «Пусть отвесят мне кораллов горсти,
горсти...». *Перевод В. Звягинцевой* 143
- «Не убивай, не утолив! Намек твой был
иной, краса...». *Перевод С. Шервин-*
ского 144
- «Ты — джаваир индийских стран, бес-
ценный лал пленительный...». *Пере-*
вод Ю. Верховского 145
- «Нахмура взор, насупя бровь, гля-
дишь, — твой врач стал пнем точь-в-
точь...». *Перевод Ю. Верховского* . 147
- «Ушел Фархад, Ширин, твой взгляд на-
век тоской опален...». *Перевод*
В. Звягинцевой 149 267
- «Роза шлет весть соловью: мол, расцве-
ла, — ожидает...». *Перевод В. Звя-*
гинцевой 151 267
- «О царь, люби закон и суд, не будь же-
сток, коль жизнь мила...» *Перевод*
С. Гайсарьяна 152 268
- «Серебрится серебром...» *Перевод*
С. Гайсарьяна 154 268
- «Яр, тебе подходит алая тафта...». *Пе-*
ревод С. Гайсарьяна 156 268

II

- «Кто море звездным сожжет сияньем?..». *Перевод К. Липскерова* 159
- «То, что бархат я, что шелк я, что парча, — ты разве знаешь?..». *Перевод К. Липскерова* 160
- «Ты розы вскормлена соском, — и, как она, красива ты..». *Перевод К. Липскерова* 162 268
- «О, приди, я твой, не гляди сурово...» *Перевод А. Тарковского* 164 268
- «Милая, давным-давно в сердце мне запала ты..». *Перевод А. Тарковского* 166
- «В саду возлюбленной канул мой разум...». *Перевод К. Липскерова* . 167
- «В соловьях нет недостатка, полон сад цветов, — не так ли?..». *Перевод К. Липскерова* 169 269
- «Говорю с тобой затем я...». *Перевод К. Липскерова* 171 269
- «Я — твой раб, — тебе прислужник никакой не нужен...». *Перевод К. Липскерова* 172
- «Ты — источник песен, ты подобна самзам...». *Перевод К. Липскерова* 173
- «Хороша ты в златоткани! В золотом уборе ты...». *Перевод К. Липскерова* 174 269
- «Твоего бы дожидаться прихода...». *Перевод К. Липскерова* 176 269

- «Как звезды ночных небес переливы
ты...». *Перевод К. Липскерова* . . 177
- «Слова «нет» не скажут милым. Кто пре-
даст их лютым карам?...». *Перевод*
К. Липскерова 179 269
- «Услышать твой игривый зов всегда же-
лал — приходи, узрю!...». *Перевод*
С. Гайсарьяна 181 270
- «Я был сыт, не для пирушки, полной
гама, я пришел...». *Перевод К. Лип-*
скерова 183 270
- «Миру твой царственный облик на
диво...». *Перевод А. Тарковского* . 185
- «Прок ли в том, что злой печали ты не
знаешь!...». *Перевод К. Липскерова*. 186 270
- «В саду закричал попугай, услышать
соловья я жаждал...». *Перевод*
К. Липскерова 187
- «Среди двух селений, слышал, есть гора,
это правда...». *Перевод К. Липске-*
рова 189 270
- «Иной, расслабленный, в бессильной
брани...». *Перевод К. Липскерова* . 191
- «Кто завидует соседу, — ни круп-
цы...». *Перевод К. Липскерова* . . 192
- «Ты что Араксом вспененная Мтква-
ри...». *Перевод К. Липскерова* . . 193
- «Твоему суду сердце будет радо...». *Перевод А. Тарковского* 195 270
- «В сад весенний дверцу милой от-
крою...». *Перевод К. Липскерова* . 197

- «Взорам смертных словно роза рая
ты...». *Перевод К. Липскерова* 198
- «Злобным быть, как иной, не хочу со-
всем...». *Перевод К. Липскерова* 199 271
- «Голова! О горе! Что с тобой стало!...».
Перевод К. Липскерова 200 271

III

- «Дитя океана! Мой перл! Для тебя...».
Перевод А. Тарковского 203
- «Не поведаю миру моих скорбей...».
Перевод А. Тарковского 204 271
- «Яр, отдай мне твои огорченья все...».
Перевод А. Тарковского 205
- «Ты спросишь о своем рабе, а я отве-
чу...». *Перевод А. Тарковского* 207 271
- «Благословен строитель, возведший
мост!...». *Перевод А. Тарковского* 209
- «Невыносимым стал мне песенный мой
дар...». *Перевод В. Звягинцевой* 210
- «Темнеет мир в сердце моем...». *Пере-
вод К. Липскерова* 211
- «Смерть придет ко мне незванно, — и
себе я кров ищу...». *Перевод К. Лип-
скерова* 213
- «Яр, мук терпеть не стану, нету силы...».
Перевод В. Звягинцевой 215
- «Слова великих мудрецов...». *Перевод
К. Липскерова* 216 271

- «В морях любви на дне есть жемчуг, и
вот, оттуда кладь моя...». *Перевод*
В. Звягинцевой 217 271
- «Всё расскажу о родинках любимой...». *Перевод*
А. Тарковского 219
- «Надела золотую ткань на пурпурный
атлас — яр...». *Перевод* *А. Тарков-*
ского 220
- «Я тобой измучен, о моя пери!..». *Пере-*
вод *К. Липскерова* 222 272
- «Она взрастила сад красот: айва и гра-
наты — в ней...». *Перевод* *К. Лип-*
скерова 223
- «Полетим, бюльбюль, с тобою...». *Пере-*
вод *К. Липскерова* 225
- «Это к нам идет княжна. Кто ее строй-
ней?..». *Перевод* *А. Тарковского* . . . 226
- «Ты кисти Индостана вдохнсьвенья...». *Перевод*
В. Звягинцевой 227
- «Схожа с ланью, убежавшей от ловца...». *Перевод*
В. Звягинцевой 228
- «О тебе распевал не один ашуг...». *Перевод*
В. Звягинцевой 229
- «Розой раскрылась прелесть любимой...». *Перевод*
В. Звягинцевой 230 272
- «Дрожа, предложил я безжалостной
яр...». *Перевод* *К. Липскерова* . . . 231
- «Кровью давнишняя рана сочится...». *Перевод*
В. Звягинцевой 233
- «В когтях тоски забыта жизнь моя...». *Перевод*
В. Звягинцевой 235

- «Глянь на грудь мою, — не кровь ли всё течет, всё течет!..». *Перевод К. Липскерова* 236
- «Весть пришла от яр прелестной: «Ни приветам», — говорит...». *Перевод А. Тарковского* 238
- «„Мир — ничто“, — мне кто-то шепчет меж ветвей...». *Перевод К. Липскерова* . 239
- «Охотнику оленя не настичь...». *Перевод В. Звягинцевой* 240 272
- «Порой любовь другую — хочу найти...». *Перевод А. Тарковского* 241
- «Какую ты преследовала цель...». *Перевод А. Тарковского* 242
- «Из-за тебя, красавица, в морях страстей — погибну...». *Перевод А. Тарковского* 243
- «С поникшей головой, в цепях...». *Перевод А. Тарковского* 244
- «Вы послушайте, что молвит вам ваш раб...». *Перевод К. Липскерова* . . 245 272
- «Взываю к господу, судьбы злой приговор найдя, найдя...». *Перевод К. Липскерова* 246
- «Дикий мак, затесавшись в прелестный цветник...». *Перевод К. Липскерова* 247
- «Да будут смертному слова мои ясны...». *Перевод В. Звягинцевой* 248
- «Я лишь слуга ашугов искушенных...». *Перевод К. Липскерова* 249
- «Мне ангелом любовь дана...». *Перевод В. Звягинцевой* 250

«От любви мне дышать невмочь...». Пе- ревод В. Звягинцевой	252
«Этот — друг твой, а та вот — услада но- чей...». Перевод К. Липскерова . . .	254 272
«Хоть мастер опытный, весьма искусен ты...». Перевод К. Липскерова . . .	256
«Весь этот мир — лишь суета. Что край беды припоминать?...». Перевод К. Липскерова	257 273
Примечания	261
Словарь	274
Основные издания стихотворений Саят- Новы на русском языке	280

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор),
М. О. Ауэзов, В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов,
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
М. Ф. Рыльский, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. И. Чиковани,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

Саят-Нова

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *А. А. Нинов*

Художник *Л. С. Хижинский*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *С. И. Брусиловская*
Корректоры *О. К. Ковалева* и *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 23/XII 1960 г. Подписано в печать
7/IV 1961 г. Бумага 84×108^{1/2}₃₂. Печ. л. 4^{5/8} (7,47).
Уч.-изд. л. 6,82. Тираж 25 000 (1-й завод 10 000).
Зак. № 2214. Цена 30 коп

Ленинградское отделение
издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

